

На правах рукописи

Григорий Ефимович Крейдлин

**НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА В ЕЕ СООТНОШЕНИИ С
ВЕРБАЛЬНОЙ**

Специальность 10. 02. 19 – Общее языкознание, социолингвистика,
психолингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2000

Работа выполнена на факультете теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук Т. М. Николаева

доктор филологических наук А. Е. Кибрик

доктор филологических наук И. М. Богуславский

Ведущая организация:

Сектор общего и теоретического языкознания Института языкознания Российской академии наук (Москва)

Защита состоится "_____" г. в _____ час. на заседании специализированного совета Д-053.05.16 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова: Москва, Воробьевы горы, I гуманитарный корпус МГУ

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГУ им. М. В. Ломоносова

Автореферат разослан "_____" _____ г.

Ученый секретарь диссертационного совета, канд. фил. наук О. В. Дедова

Реферируемая диссертация посвящена исследованию невербального поведения человека и проблем соотношения невербальных языковых кодов с естественным языком в акте коммуникации.

Актуальность и теоретическая новизна работы. Более тридцати лет тому назад мне в руки попала статья А. А. Реформатского "О перекодировании и трансформации коммуникативных систем" (Реформатский 1963). В этой замечательной работе речь шла о характере и способах совместного существования в одном коммуникативном акте нескольких знаковых систем и затрагивались различные проблемы, относящиеся к особенностям функционирования в речи знаков разной природы и к анализу их поведения в интерактивной деятельности. А. А. Реформатский считал, что без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека и каково ее соотношение с вербальной деятельностью, "немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса".

В настоящей диссертации речь идет о различных сторонах такого соотношения. **В центре работы находятся человек и особенности его невербального поведения в акте коммуникации.** О коммуникативном поведении людей и способах их речевого общения до сих пор известно крайне мало: сумма и глубина наших знаний о речевом диалогическом поведении никак не соответствуют сегодняшнему уровню развития и возможностям лингвистической науки. Что же касается **невербальных аспектов человеческого поведения в ситуации коммуникативного взаимодействия и проблем соотношения невербальных кодов с естественным языком, которые составляют основной предмет нашего исследования,** то они не только не описаны систематически, но в целом ряде отношений просто не затронуты. Данная работа ставит своей целью в известной степени восполнить указанный пробел. В ней принят подход, заключающийся в параллельном анализе разнообразных невербальных и вербальных единиц, что предполагает **исследование семантических, прагматических и синтаксических соотношений между невербальными и вербальными единицами,** а также **особенностей их совместного функционирования в акте общения,** о которых писал А. А. Реформатский.

Науку, предметом которой являются невербальная коммуникация и, шире, невербальное поведение и взаимодействие людей, мы предлагаем называть **невербальной семиотикой.** Невербальная семиотика как целостная научная дисциплина еще только складывается, она очень молодая. Входящие в нее частные науки, или подсистемы, изучены в разной мере и нередко вообще не связаны одна с другой. По целому ряду объективных и субъективных причин, к которым можно отнести: (а) фрагментарность и плохо мотивированную избирательность объектов изучения; (б) недостаточное количество устойчивых и проверенных на практике теоретических понятий, методов и инструментов анализа, а отсюда по преимуществу дескриптивный, а не объяснительный характер исследований; (в) малую разработанность и практическую несовместимость языков описания предметных областей невербальной семиотики; (г) отсутствие надежной методологической и эмпирической базы в части, касающейся семантики, прагматики и синтаксического поведения невербальных единиц, и, наконец, (д) нередко гадательный, плохо обоснованный и в высшей степени проблематичный характер отдельных научных утверждений и полученных результатов, – приходится

констатировать, что многие задачи и положения, формулируемые в рамках невербальных подсистем, требуют существенной корректировки, а в ряде случаев и полного пересмотра. В такой ситуации особенно остро ощущается потребность в едином подходе к исследованию невербальных и вербальных средств поведения людей в коммуникативном акте, поскольку только в рамках такого подхода невербальное поведение человека и, в частности, русская невербальная традиция, могут получить максимально многостороннее и адекватное объяснение.

В диссертации строится **интегральное описание основных подсистем невербальной семиотики в рамках единой научной идеологии и общих концептуальных установок, в их соотношении друг с другом и с естественным языком**. Определяются состав этих подсистем, характерные особенности их внутренней организации и закономерности функционирования, проводится изучение важнейших механизмов взаимодействия невербальных подсистем друг с другом и с естественным языком. Именно в таком интегральном описании мы видим **теоретическую новизну** проведенного исследования.

Практическая новизна. Практическая новизна работы обусловлена тем, что в существующей научной литературе по невербальной семиотике почти полностью игнорируются данные русской лингвосемиотической традиции, между тем как ее культурная и этнолингвистическая значимость едва ли нуждаются в особом обосновании. Диссертация впервые в научной практике обращается к системному исследованию русского невербального материала. В ней содержится анализ совсем новых для невербальной семиотики фактов и привлекается новая информация для установления сходств, расхождений и переключек русского и других невербальных языков. В результате построена не описательная, лишь фиксирующая запреты, разрешения или предпочтения, а **объяснительная модель** русского невербального коммуникативного поведения, и в этом тоже можно усматривать новизну реферируемой диссертации.

Материал работы. Диссертационное исследование выполнено на материале русских невербальных (устных) и вербальных (устных и письменных) текстов, хотя аналитический обзор и анализ идей, многие гипотезы, выводы и результаты, выдвинутые и полученные в диссертации, опираются также на данные других языков и культур. Кроме того, к данным других языков мы прибегаем для типологического сопоставления отдельных явлений или дешифровки некоторых деталей картины русского невербального поведения.

Методы анализа. В работе использовались как собственно лингвистические, так и общие семиотические методы анализа: контекстный и дистрибутивный анализ, типологический метод, функциональный анализ невербальных единиц, метод декомпозиции, заключающийся в разложении сложных структур на более простые составляющие, метод толкований, предполагающий вывод целого ряда особенностей коммуникативного поведения невербальных и вербальных единиц из их семантики, сравнительно-сопоставительный метод, состоящий в поиске тождеств, сходств и различий в концептуальном и смысловом устройстве единиц, а также в средствах и способах их невербального и вербального выражения, метод прогнозирования, основанный на перспективном прогнозе

поведения того или иного невербального элемента в заранее заданном контексте, и некоторые другие методы.

Цель и задачи работы. Проведенный широкий анализ мировой и отечественной литературы, а также научные контакты со многими учеными, работающими в разных областях невербальной семиотики, дают нам основание утверждать, что настоящая диссертация представляет собой первое систематическое научное изложение основ невербальной семиотики в ее соотношении с лингвистикой. В ней впервые в отечественной и, как кажется, мировой лингвосомиотической традиции ставится **цель построения оснований ряда частных наук, входящих в невербальную семиотику**, и решается целый ряд важных конкретных **задач**, которые были выдвинуты в рамках этих наук. Назову лишь некоторые из рассматриваемых в диссертации теоретических и практических проблем:

(1) усовершенствование понятийного аппарата и метаязыка невербальной семиотики, в частности приведение его в соответствие с понятийным аппаратом и метаязыком лингвистики; обоснование теоретической необходимости вводимых понятий и демонстрация их практической полезности;

(2) выявление и описание ранее совсем не изучавшихся или не до конца изученных единиц, категорий и оппозиций паралингвистики, кинесики, проксемики и некоторых других частных наук, составляющих ядро невербальной семиотики; установление аналогий и структурных сходств между достаточно удаленными друг от друга невербальными и вербальными феноменами;

(3) разграничение жестов и физиологических движений; инвентаризация основных жестовых противопоставлений и функций жестов в разных языках тела и коммуникативных ситуациях;

(4) выделение семантических типов и построение семантической типологии бытовых жестов (для одного из важнейших типов этих единиц – эмблематических жестов);

(5) лингвистический и концептуальный анализ голоса и тона – основных инструментов языковой и параязыковой коммуникации;

(6) построение теории лексикографии жестов: разработка общей идеологии и структуры толковых словарей жестов, определение содержания зон и способа представления в них необходимой информации;

(7) анализ наиболее примечательных особенностей созданного нами (в соавторстве) экспериментального толкового словаря русских жестов, мимики и поз, ориентированного на интегральное описание русской невербальной и вербальной семиотических систем, и представление решения ряда практических лексикографических задач, связанных с этим словарем (определение количества и состава зон словаря, раскрытие содержания и структуры каждой зоны, построение конкретных словарных статей и др.);

(8) разработка принципов и способов сопоставительного семантического описания жестов и языковых единиц – так называемых **жестовых фразеологизмов**; проверка выдвигаемых гипотез и допущений на экспериментальном русском материале;

(9) постановка и решение некоторых проблем межкультурного и межъязыкового соответствия жестовых систем и перевода одной системы в другую (способы и виды перевода, проблемы интерпретации, утраты смысла, типология коммуникативных неудач и др.);

(10) построение внутриязыковой типологии семиотических актов касания в их соотношении с русскими глаголами касания и выражаемыми ими смыслами;

(11) описание универсальных стратегий, обнаружение и анализ закономерностей, а также формулировка правил невербального (жестового, визуального, тактильного и проксеимного) поведения, относящихся к русской повседневной коммуникации и русской культуре.

Помимо теоретических и практических вопросов, в диссертации ставятся и обсуждаются методологические вопросы, связанные с проблемами выделения единиц и категорий невербальной семиотики и их соотношения с единицами и категориями лингвистики.

В силу всех указанных выше обстоятельств решать большинство поставленных в диссертации задач по аналогии с ранее решенными было невозможно. Почти каждая из них потребовала обсуждения новых теоретических проблем, восполнения имеющихся концептуальных и терминологических пробелов, использования оригинальных практических приемов и рассмотрения методологических оснований анализа с их последующей эмпирической проверкой.

Методология работы. Теоретические предпосылки исследования. Гуго Шухардт как-то заметил, что целостность и внутреннее единство области научных знаний достигается не столько однородностью ее содержания, сколько общей методологией и согласованностью подходов к решаемым проблемам. Признавая безусловную правоту крупного немецкого лингвиста и философа, я полагаю, что реальной базой для объединения разных неязыковых подсистем должен стать **единый семантический язык описания (метаязык) невербальных единиц и категорий**. Данное положение является естественным продолжением тезиса о необходимости единого семантического языка для описания языковых фактов и явлений самых разных типов, который был впервые выдвинут и обоснован в рамках Московской и Польской семантических школ. Крайне желательно при этом, чтобы используемый **семантический язык был единым для вербальных и для невербальных единиц**, так как я считаю, что только на общем и прочном **семантическом фундаменте** можно достичь внутренней целостности невербальной семиотики и не менее желательной **интеграции невербальной семиотики и лингвистики в рамках общей теории коммуникации**.

К созданию такого единого метаязыка можно идти по-разному. Можно, например, задать его извне и как бы заранее, после чего необходимо всякий раз, при каждом конкретном исследовании, обосновывать его теоретическую адекватность и доказывать практическую полезность. Или можно строить метаязык индуктивным путем на основании тщательных экспериментальных и полевых исследований и последующих теоретических обобщений. Наконец, можно предложить разные, но относительно простые и практически удобные семантические языки для разных областей невербальной семиотики с обязательным их дальнейшим совмещением (установлением необходимых соответствий, построением правил их комбинирования и перевода с одного метаязыка на другой и др.). В данной диссертации нашли отражение, хотя и в разной мере, все три возможности.

Одну из главных задач мы видели в том, чтобы предложить язык описания и формат, с помощью которых можно было бы строго, непротиворечиво, понятно и удобно для читателя изложить те основные положения, к которым сегодня пришла невербальная семиотика, и представить полученные в ней наиболее значительные результаты, относящиеся непосредственно к теме диссертации.

Поставленная задача является не столь простой, как это могло бы на первый взгляд показаться. Дело в том, что невербальная семиотика является наукой междисциплинарной: она возникла на границах разных научных областей и перекрестках разных научных традиций, причем как веками устоявшихся, имеющих свои объекты, теоретический и методологический аппарат, свои языки и исследовательские приемы, – я имею в виду, в частности, биологию, этологию, лингвистику, логику и психологию, – так и сравнительно новых. Среди последних следует назвать общую семиотику, теорию этноса и этнических систем, культурную антропологию, когнитологию и теорию когнитивных систем. Из сказанного вытекает, что настоящая работа, хотя и является **лингвосемиотической**, не может не учитывать целого ряда идей и достижений перечисленных дисциплин, а также особенностей тех метаязыков, на которых эти идеи и достижения излагаются. Впрочем, причисление какого-либо исследования, находящегося на стыке нескольких наук, к той или иной отрасли знания, на мой взгляд, по большей части является делом вкуса, – кто знает, где сегодня кончаются границы одной науки и начинаются границы другой? В любом случае я полагаю, что было бы неверным считать отнесение работы к одной науке, а не к другой, ее очевидным априорным недостатком.

Вообще, хочется думать, что в канун XXI века, когда стало очевидно, что очень многие фундаментальные открытия второй половины XX века были сделаны на стыке двух и более научных дисциплин, слова "это не лингвистика" перестали быть обвинением в адрес лингвистов. В этой связи, быть может, нелишне вспомнить, что подавляющее большинство "нелингвистических" работ еще в 60 – 70-х годах XX века в нашей стране заранее объявлялись недостойными внимания ученых-лингвистов и крайне редко обсуждались в лингвистическом сообществе, – несмотря на то, что часть из этих работ очень многие сугубо "лингвистические" факты, явления и закономерности хорошо объясняла или уточняла. Таковыми на памяти автора диссертации были исследования по социальной психологии и даже по психолингвистике (!), по логическому анализу языка, машинному переводу, автоматическому реферированию и индексированию текстов и десяткам других областей.

Невербальная семиотика уходит корнями сразу в несколько интеллектуальных традиций, причем наиболее явными ее истоками являются биология, психология, социология и лингвистика. Именно выдвинутый в этих науках определенный круг идей, допущений и концепций стал методологическим основанием подхода, развиваемого в диссертации. Современную научную парадигму в области невербальной семиотики отличает не разъединение указанных направлений, а их **сближение**, вплоть до подлинной интеграции; я бы даже рискнул утверждать, что большинство современных фундаментальных трудов в этой области являются "био-психо-социо-лингвистическими".

Методологическим проблемам невербальной семиотики в литературе уделяется крайне мало внимания. Между тем выдвижение и обоснование общей программы исследования вместе с правильной постановкой отдельных задач, точно так же, как и выбор языка описания, далеко не всегда являются самоочевидными. И хотя методологические дефекты не могут полностью дискредитировать конкретные результаты, полученные в какой-то одной науке, входящей в состав невербальной семиотики, только методологически корректное объединение отдельных частных наук, выполненное на базе единого метаязыка, может поддерживать равновесие в рамках рождающейся и закрепляющейся прямо на наших глазах научной парадигмы и способствовать проникновению в новое знание, не укладывающееся в прокрустово ложе одной дисциплины. Целое, как это обычно бывает, оказывается больше суммы своих частей.

На вопрос известного американского психолога Р. Зайонца, есть ли что-нибудь общее между такими, внешне, казалось бы, совершенно разными, физиологическими действиями, как почесывать голову, потирать руки, грызть ногти, переворачивать перед сном подушку, чтобы "была прохладной", и поцелуем, можно правильно и содержательно ответить (ответ, что всё это действия, совершаемые человеком, с формальной точки зрения, разумеется, правильный, но бессодержательный) только, если имеются четкие понятия, образующие целостную систему, а также достаточно мощный язык, охватывающий все пространство невербальной семиотики и позволяющий устанавливать инварианты в объектах и структурах, сколь угодно разных с точки зрения "здорового смысла". Установка и общая ориентация настоящей диссертации на сопоставление невербальных единиц с вербальными нацелены именно на такие нетривиальные отождествления и аналогии.

Многие центральные проблемы невербальной семиотики и лингвистики, и среди них (1) осмысление общих программ и способов человеческого поведения (см., например, работы Винкин 1995; Джонсон 1987; Косниер, Броссард 1984; МакНил 1979; Сегерштрале, Молнар 1997; Хинде 1974; Шерер, Экман 1982; Шиминоф 1980; Эйбл-Эйбесфельд 1972); (2) теоретические и практические описания различных фрагментов и параметров конкретных моделей поведения, выявление вербальных и невербальных коррелятов передаваемых в процессе коммуникации значений и установление правил взаимодействия людей в диалоге (Армстронг и др. 1995; Биркенбил 1979/1997; Блинушова 1995; Болинжер 1983; Жинкин 1998; Кристал 1971; МакНил 1992; Пойатос 1993; Раттер 1984; Шаронов 1996; Шерер 1992); (3) формальный и семантический анализ невербальных знаков в их сопоставлении с естественно-языковыми знаками, в частности определение явных и обнаружение скрытых смыслов невербальных семиотических единиц различной природы, которые замещают или сопровождают языковые знаки в акте коммуникации (Голдшмидт 1993; Грэхэм, Аржилль 1975; Дрэй, МакНил 1990; Зигман, Фельдштайн 1978; Кей 1975; Мехрабиан 1971; Поджи 1998; Тинг-Туми 1994; Хенли 1977; Экман, Фризен 1982); (4) собственно лингвистические, социолингвистические и психолингвистические разработки, направленные на распознавание по невербальным и вербальным ключам психологических состояний и эмоций людей, отношения человека к другим людям и к окружающему миру; см. среди огромного количества публикаций, например, работы Вайн, Кранах 1975; Вежбицкая 1992а; Вежбицкая 1995б; Волек 1987; Данкан,

Фиске 1977; Диттман 1972; Добрунова 1990; Дэвитс 1964; Дракман и др. 1982; Изард 1977/1980; Изард и др. 1984; Лац 1988; Потапова 1990; Потапова 1997; Фельдман, Риме 1991, а также серию работ Поля Экмана: Экман 1972; Экман 1982; Экман 1984; Экман 1992а, Экман 1992б; (5) анализ способов отображения невербального поведения человека и элементов невербального языка в письменных текстах, в частности в художественной литературе (ср. Бевингтон 1984; Данов 1980; Кэшер, Фейн, 1996; Латейнер 1995; Леви, МакНил 1992; Пойатос 1992; Сина 1983; Филиппов 1975; Шелгунова 1979) – нельзя решить иначе, как в рамках комплексного научного подхода.

Связь диссертационной работы с другими научными программами, планами и темами.

Серьезный исследовательский интерес к невербальной семиотике у автора диссертации возник довольно неожиданно и много лет спустя после знакомства с упомянутой статьей А. А. Реформатского. На первой летней Лингвистической школе (июль 1992 года, г. Дубна, Московская обл.), где слушателями были ученики ряда московских и дубненских школ и студенты высших учебных заведений, в основном Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Московского государственного университета (МГУ), а я входил в число преподавателей, мне пришла в голову счастливая мысль организовать семинар для младших, 9 – 12-летних, школьников по изучению языка жестов. К моему удивлению, предложенная тема оказалась интересной не только младшим, но и старшим школьникам и даже студентам. После нескольких прочитанных мной вводных лекций, на которых были введены и описаны основные единицы и категории русского языка жестов, состоялось несколько семинарских занятий, причем на первом же из них всем его участникам было предложено начать совместную работу по составлению толкового словаря русских жестов. Тогда же я попытался обрисовать приблизительный облик этого словаря, каким я тогда его видел, и мы стали все вместе конкретным словарным делом, а именно писать статьи для словаря жестов. В результате сложилась группа, которая продолжила начатую деятельность в Москве на еженедельном семинаре по невербальной семиотике, проводимом под моим руководством на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ.

В ходе работы над словарем русских жестов выяснились две важные вещи. Во-первых, создаваемое словарное описание сравнительно легко трансформируется в путеводитель по языку русских жестов или в соответствующее учебное пособие, понимаемых здесь довольно широко, а именно как включающих в себя не только (а) **собственно жесты**, то есть знаковые движения рук и ног, но также (б) **выражения лица**, (в) **позы** и (г) **знаковые телодвижения**. Во-вторых, наличие в нашем словаре зон, предназначенных для того, чтобы представить в удобном лексикографическом виде особенности и механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц, делает его полезным инструментом для внутриязыкового сравнительного семантического анализа.

В качестве экспериментального материала для семантического анализа лексических единиц двух языков – обычного русского языка и русского языка тела – мной были отобраны **некоторые русские жесты и некоторые русские фразеологические обороты (жестовые фразеологизмы)**. В диссертации приводятся как довольно большой фрагмент лексикографического описания русского

языка тела, так и некоторые результаты по сопоставительному изучению русских жестов и жестовых фразеологизмов.

Следует подчеркнуть, что **аналитическому описанию русской жестовой системы и русскому кинетическому поведению**, а также **теории и практике жестовой лексикографии** в настоящей работе уделяется особое внимание, и это никак нельзя считать случайным. В устной коммуникации роль жестов рук, мимики, поз и телодвижений трудно переоценить. Хотя естественный язык имеет здесь безоговорочный приоритет, кинетические стороны поведения людей, такие как жесты и жестикуляция, способы, какими люди стоят или сидят, как располагаются друг по отношению к другу, как меняют позы во время беседы, как, наконец, они смотрят друг на друга, играют решающую роль в коммуникативном взаимодействии. Комплексность и разнообразие знаковых форм невербального общения вполне соответствуют сложности и разветвленности частных наук, входящих в состав невербальной семиотики.

Диссертационное исследование проводилось в рамках планов учебной и научно-исследовательской работы факультета теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и обсуждено на кафедре теоретической и прикладной лингвистики этого факультета.

Практическая значимость. Полученные в диссертации результаты могут быть использованы при составлении словарей невербальных и вербальных языков – в последнем случае, например, при лексикографическом представлении тех слов и фразеологических сочетаний, произнесение которых обязательно или факультативно сопровождается определенными жестами, голосовыми модуляциями, движениями тона или какими-то иными невербальными проявлениями.

Теоретический материал работы, разобранные примеры и выводы могут быть учтены при написании монографий и учебников по невербальной коммуникации и теоретической лингвистике, при обучении русскому языку иностранцев и решении других лингводидактических задач, а также при создании систем автоматической обработки информации.

Результаты исследования, относящиеся к лексикографии жестов и к закономерностям невербального поведения, возможно, заинтересуют представителей других наук, занимающихся проблемами человеческой коммуникации, – этологов, психологов, антропологов, социологов, культурологов и пр.

Выводы и результаты, относящиеся к невербальному коммуникативному поведению людей, могут быть использованы театральными режиссерами и кинопродюсерами, соответственно, при сценическом и экранном воплощении письменных текстов пьес и киносценариев.

Наконец, содержащийся в диссертации анализ русских невербальных единиц и основных коммуникативных стратегий наряду с описанием специфических особенностей русского невербального диалогического поведения может оказаться полезным всякому человеку, который в устной коммуникации пользуется русским невербальным языком и который хотел бы за счет более глубокого понимания этого языка и повышения уровня языковой компетенции увеличить эффективность своего общения с другими людьми.

Апробация. Результаты работы докладывались на международном симпозиуме по семантике и прагматике жестов (Берлин, 1998), на международном симпозиуме "Машины и история" (Дрезден, 1999), на VII международном семиотическом конгрессе (Дрезден, 1999), на четырех международных конференциях в Институте языкознания РАН в Москве: одна по проблемам фразеологии: "Фразеология в контексте культуры" (1998; доклад подготовлен в соавторстве) и три по проблемам логического анализа языка (1995, 1996, 1998), на научной конференции по проблемам экспрессивности в Институте русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, 1998; доклад подготовлен в соавторстве), на конференции, посвященной проблемам текста в Институте восточных культур РГГУ (Москва, 1999).

Автор выступал также с докладами по различным темам диссертации на чтениях памяти В. А. Звегинцева (МГУ, филологический факультет, Москва, 1996), В. В. Виноградова (Институт русского языка РАН, Москва, 1997), А. А. Реформатского (Институт языкознания РАН, Москва, 1998) и Г. О. Винокура (Институт русского языка РАН, Москва, 1998), на семинарах филологического факультета Института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, 1997) и филологического факультета университета им. В. Гумбольдта (Берлин, 1998), на заседаниях теоретического лингвистического семинара, проводимого под рук. акад. Ю. Д. Апресяна (Институт проблем передачи информации РАН, Москва, 1997 (доклад в соавторстве), 1998, 1999), на семинарах проблемной группы "Логический анализ языка", проводимых под рук. акад. Н. Д. Арутюновой (Институт языкознания РАН, Москва, 1996, 1998), и Отдела германских языков, проводимых под рук. д. ф. н. О. Н. Селиверстовой (Институт языкознания РАН, Москва, 1995, 1996, 1997), на семинарах Института культурной антропологии РГГУ (Москва, 1995, 1996, 1997 (дважды), 1998 (дважды), 1999) и факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ (Москва, 1999). Кроме того, в Отделе семиотики Технического университета в г. Берлине по просьбе руководства и сотрудников Отдела мной был организован семинар по различным проблемам невербальной семиотики для студентов, аспирантов и преподавателей этого университета, в рамках которого я прочел пять докладов и провел круглый стол по проблемам невербальной семиотики и лексикографии жестов (Берлин, январь – февраль 1998).

Материалы диссертационного исследования легли в основу трех разработанных программ и курсов лекций по невербальной семиотике, русскому языку жестов и теории невербальной коммуникации, прочитанных студентам и аспирантам на филологическом факультете Международного университета в г. Дубна (Московская область, 1998), на филологическом факультете МГУ (1998, 1999), на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ (1995 – 1998) и слушателям Института европейских культур РГГУ (1999).

Публикации. Находится в печати Словарь русских жестов (около 20 п. л., в соавторстве с С. А. Григорьевой и Н. В. Григорьевым), в 1997 году выпущено в свет учебное пособие "Семиотика, или азбука общения" (15 п. л., в соавторстве с М. А. Кронгаузом), сдана в печать глава в коллективной монографии "Язык о языке" (3,6 п. л., под ред. акад. Н. Д. Арутюновой), подготовлена

к печати монография "Невербальная семиотика" (20 п. л.). Кроме того, непосредственно по теме диссертации опубликовано и принято к публикации 27 статей примерным объемом 25 п. л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, восьми глав и заключения. Библиография содержит 371 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В разделе "**Введение**" отмечаются актуальность, цели и задачи работы, ее теоретическая и практическая новизна, а также методология проведенного исследования.

В очень небольшой по объему главе 1 "**Невербальная семиотика (общая характеристика)**" даются самые общие сведения о невербальной семиотике и ее составных частях – частных науках, или разделах.

В современную невербальную семиотику включаются следующие науки:

1. **Паралингвистика** (наука о дополнительных к речи звуковых кодах, которые включены в процесс речевой коммуникации и которые могут передавать в этом процессе определенную информацию). 2. **Кинесика** (наука о жестах и жестовых движениях). 3. **Окулесика** (наука о языке глаз и визуальном поведении людей во время общения). 4. **Аускультация** (наука о слуховом восприятии звуков и их семиотических функциях, а также об аудиальном поведении людей в процессе коммуникативного взаимодействия). 5. **Гаптика** (наука о языке касаний и тактильной коммуникации). 6. **Гастика** (наука о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, приема пищи и угощений). 7. **Ольфакция** (наука о языке запахов и их роли в коммуникации). 8. **Проксемика** (наука о пространстве коммуникации, его структуре и функциях). 9. **Хронемика** (наука о времени коммуникации, о его структурных, семиотических и культурных функциях). 10. **Системология**¹ (наука о системах объектов, каковыми люди окружают свой мир, о функциях и смыслах, которые эти объекты выражают и передают другим в процессе коммуникации).

В центре внимания настоящей диссертации оказываются пять наук, входящих в невербальную семиотику: **паралингвистика, кинесика, окулесика, гаптика и проксемика.**

В главах 2 и 3, которые называются, соответственно, "**Паралингвистика**" и "**Кинесика**", **уточняются некоторые понятия и термины этих важнейших разделов невербальной семиотики, вводится целый ряд существенных единиц, категорий, признаков и противопоставлений, на базе которых строятся новые или корректируются уже имеющиеся классификации невербальных единиц.** Одной из центральных задач в этих главах, особенно в главе 3, я считал также **последовательное введение русского читателя в сравнительно мало известные ему области научного знания.** Поэтому некоторые части этих глав носят по необходимости обзорно-аналитический характер.

¹ Это название наше: в отличие от других наук, составляющих невербальную семиотику, здесь нет даже мало-мальски принятого названия.

Как известно, человеческий голос производит много звуков, не входящих в систему языка, но образующих фонд паралингвистики. Помимо чисто голосовых элементов, в сфере внимания паралингвистики находятся сложные кинетико-голосовые формы и разнообразные физиологические реакции, осуществляемые при непосредственном участии голоса, а также некоторые природные и другие звуки, в частности звуки, возникающие от манипуляций человека с предметами разных типов. Особенность всех паралингвистических средств заключается в том, что они, хотя и не являются речевыми и не входят в систему естественного языка, в значительной степени организуют и определяют коммуникативный акт. Лишь крайне небольшое число устных речевых сообщений способно стать фактом человеческой коммуникации без какого-либо параречевого сопровождения: паралингвистические средства в той или иной мере представлены в каждом устном высказывании.

В диссертации выделены **центр** и **периферия** паралингвистической системы в ее корреляции с естественным языком, с одной стороны, и кинесикой, с другой. В **центр** предметной области паралингвистики входят, например, отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой и носовой полостей человека; звуковые комплексы, которые возникают и принимают активное участие в разного типа физиологических реакциях и которые в акте коммуникации допускают **конвенциональную семиотизацию**, или **означивание** (то есть приобретают особые контекстные значения; ср. насморк, кашель, плевики, икота, рыдание, свист и пр.); голос и его постоянные качества, голосовые особенности актуально звучащей речи или игры голосом (фонации), паралингвистические просодические элементы, участвующие в процессе устной коммуникации и способствующие организации и передаче знаковой информации (то есть то, что можно было бы назвать *параязыковой просодикой*). К последним относятся, например, эмоциональное акцентное выделение слогов и более крупных фрагментов речевого потока, темп речевой реализации фраз при беглой речи или при скандировании, длительность слога, например при протяжной речи, и пр. Важную роль в просодической реализации смысла играют также жесты, сопровождающие эмоциональные интонации, прежде всего при выражении субъективно-модальных (оценочных, экспрессивных и др.) значений; (д) значимые молчания и паузы.

К **периферии** паралингвистической системы относятся вентрологические звуки и их параметры, звуки природы и различных механизмов, часто означиваемые и играющие далеко не последнюю роль в человеческой коммуникации; сюда же примыкает и просодика соответствующих звуковых последовательностей. Кроме того, к периферии принадлежат разнообразные звуки, возникающие во время действий человека с природными объектами или артефактами, например, звуки, возникающие от его контакта с человеческим телом, как со своим собственным, так и с чужим (например, звук от пощечины, звуки аплодисментов или стук в дверь при входе в дом).

Говоря о центре паралингвистической системы, мы вслед за Ф. Пойатосом (Пойатос 1993) выделяем четыре основные функциональные разновидности параязыковых единиц, или паралингвистические категории: **параметры звучания**, **квалификаторы**, **различители** и **альтернанты**. Состав этих категорий у нас, однако, отличен от того, что указан Ф. Пойатосом, хотя

нужно отметить, что и приводимый здесь перечень сам по себе тоже достаточно условен, поскольку ни формальным исчислением, ни классификацией он не является.

Параметры звучания – это не упорядоченные в систему основные **составляющие (признаки и их комбинации) человеческой речи и неречевых звуков**, выполняющие коммуникативную и эмотивную функции. К ним относятся, например, градации интенсивности звука, длительность пауз, темп, ритм и др. Разные характеристики звучания могут быть обусловлены разными причинами: **биологическими** (например, у мужчин обычно более низкий тембр голоса, чем у женщин; у стариков в норме голос тише, чем у молодых, а речь более медленная), **психологическими** (у людей, находящихся в состоянии явно выраженной депрессии, интонация однообразная, а речь монотонная; у человека в состоянии крайнего волнения, причем у женщин это проявляется в большей мере, чем у мужчин, под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре становится громче обычного, часто доходит до крика и, как говорят по-русски, *срывается* или *рвется*), **физиологическими** (примером влияния физиологических факторов является возрастная ломка голоса у юношей); **социальными** (у людей, занимающих более высокое место на социальной иерархической лестнице, при разговоре с людьми ниже их рангом тембр речи обычно более медленный, чем у их собеседников; голос врача при разговоре с пациентом часто бывает резким, отрывистым, в особенности когда сопровождает команды типа "Раздевайтесь", "Покажите язык" и под.); **национально-этническими и культурными** (например, населяющие Израиль евреи-сефарды в общей своей массе говорят на иврите по сравнению с ашкеназийскими евреями более медленно, словно растягивая слова; во французском и польском назализованные гласные, как известно, являются элементом структуры языка, а в русском назализованные гласные встречаются только в параязыке, например, в ироничной и саркастической речи, в стилизованной речи определенных молодежных групп, в речевой коммуникации воров и бандитов).

К квалификаторам относятся разнообразные по своим свойствам и обычно вызываемые человеком сознательно **звуковые эффекты** – дополнительные к речи модификаторы, направленные на достижение определенной коммуникативной цели. Их появление в коммуникативном акте обусловлено множеством причин – от особенностей устройства воздушных путей и прохождения по ним воздушного потока до анатомического строения органов производства звука и степени их мускульного напряжения при артикуляции. Так, назальный звук может появиться в речи не только благодаря специальным фонетическим приемам; он может также быть генетически врожденным звуком, возникающим из-за особого строения носовой перегородки. Голос человека бывает скрипучим, так сказать, сам по себе, благодаря определенным физиологическим особенностям, например аномалиям в строении речевого аппарата, а может становиться скрипучим в актуальной речи, если его владелец намеревается с помощью такого голоса выразить презрение к собеседнику или хочет поиздеваться над ним.

Третья паралингвистическая категория – это **различители**. Они представляют собой паралингвистические конструкторы разной природы, объединяемые функционально. Среди них выделяются следующие типы – **в зависимости от того, что именно конструкторы различают:**

(а) звуки, различающие **модели поведения** или **отдельные компоненты моделей**, в которых эти звуки являются неотъемлемым и важным составным элементом. Примерами различителей данного типа могут служить вздохи, зевота, кашель, плач, смех и многие другие. Некоторые из перечисленных поведенческих форм и связанные с ними звуки играют решающую роль в выражении межличностных отношений и актуальных эмоциональных состояний; ср. плач и рыдания в горе, звуки смеха при реализации позитивных или негативных отношений социального плана, например смех лести или подхалимажа, смех при снятии нервного напряжения (смех радости или облегчения) и др.; (б) разного рода **патологические звуковые варианты**, то есть **звуки, свойственные больным и не характерные для людей здоровых**, ср. плач невротика, истерический плач и крики, рыдания, стоны и нытье при боли и др.; (в) паралингвистические **звуковые и голосовые средства, регулярно соотносимые с обманом, манипуляцией или языковой игрой**, например особая манера произнесения отдельных слов и высказываний, игра голосом; (г) звуки, **различающие физиологические реакции** самых разных функциональных типов: физические (например, звуки сильно бьющегося сердца), химические (например, урчание в животе), дерматологические (потирание рук и звуки, возникающие при этом), термальные (высокая температура, сопряженная со стонами).

Последняя паралингвистическая категория – это **альтернанты**. К ним относятся противопоставленные нормативным речевым **одиначные звуки и комбинации звуков**, встречающиеся в коммуникации либо изолированно, либо вместе с речью. Это так называемые кинетико-голосовые формы типа горловых прочисток, щелчков, фарингальных и ларингальных ингрессий и эксгрессий (то есть, соответственно, входа воздуха в легкие и выхода воздуха из легких); альтернанты – это, например, шипение и сипение, звуки, возникающие при всасывании воздуха, заполнители пауз *зм*, *мм*, *э-э* и т. п., звуки, извлекаемые при замкнутых зубах, звуки от трения и тысячи других. Каждый язык и каждая культура обладают колоссальным числом альтернант, которые образуют своеобразный лексикон и постоянно участвуют в коммуникации. Многие из них обладают лексической и системной значимостью, а потому несут определенную смысловую и функциональную нагрузку при диалогическом взаимодействии, ср., например, звук "тяжелого" вздоха, обозначающий, в частности, нечто вроде психологической усталости от невзгод и тяжелой жизни, или говорящий, что 'все плохо', разнообразные "мычания", свидетельствующие о поиске говорящим нужного слова для точного выражения мысли или выигрыша им времени для планирования речи, о чем писал, в частности, Н. И. Жинкин (Жинкин 1998, с. 146 – 152), и др. Альтернанты постоянно пополняют словарь естественного языка, ср. появление в русском языке междометий *зм*, *брр*, *уф* и пр. Наконец, они играют важную роль в эволюции коммуникативных процессов и в разработке стратегий и тактик коммуникативного взаимодействия, см. звуки, отражающие передачу коммуникативного хода партнеру по диалогу.

Основное место в главе отведено до сих пор сравнительно мало изученным периферическим паралингвистическим средствам, в частности некоторым семантически нагруженным звукам, возникающим от действий с материальными объектами, и объектам – источникам этих звуков. Эти

комплексы – звуки, а также сами объекты – были названы **адапторами**. Показано, что адапторы играют важную роль в когнитивных и семиотических процессах, происходящих в акте коммуникации. Установлено, что **два основных структурных типа адапторов – адапторы тела и адапторы-объекты**, – будучи отнесенными к периферическим паралингвистическим средствам относительно естественного языка, образуют центральную часть паралингвистической системы **относительно жестового кода**.

Адапторы тела представляют собой способные приспосабливаться к меняющимся внешним условиям комплексы, состоящие из самостоятельных знаковых движений тела или с телом и звуки от этих движений, функционально ориентированные, главным образом, на партнера по коммуникации. К последним относятся, например, звуки, обязанные своим происхождением таким действиям, как похлопывание по плечу, поглаживание, шлепок, удар, пощечина и т. п. В смысловом отношении адапторы тела весьма разнообразны. Их назначение – начинать и завершать невербальное взаимодействие в акте коммуникации (ср. жест **хлопать рукой** <при рукопожатии> и звук *хлопок* для одной из разновидностей рукопожатия при приветствии, **воздушный поцелуй** на прощанье). Кроме того, они выражают чувства или отношения между партнерами (например, **хлопать по плечу** в знак одобрения), обозначают агрессию и готовность к обороне и пр. Когда человек находится, например, в состоянии ярости, он может **сжимать зубы** или **скрежетать зубами**. Со страстью убеждая адресата в том, что именно он сделал нечто, мужчина может **бить себя в грудь** ("я, я это сделал"). Мы даем **пощечину**, чтобы унизить (а не наказать, как нередко ошибочно полагают) другого человека, но **хлещем по щекам** в наказание за очень серьезный проступок. Во всех этих и подобных случаях выполняются коммуникативно значимые жестовые действия с использованием адапторов тела, и звук играет тут заметную смысловую роль.

Среди адапторов тела выделяются **волитивные**, или намеренные, **адапторы** и **неволитивные**, вынуждаемые (например, вынуждаемые толпой). Волитивные и неволитивные адапторы тела в акте коммуникации могут восприниматься и интерпретироваться по-разному в зависимости от того, исполняются соответствующие движения сразу двумя (или более) партнерами по коммуникации или только одним из них; ср. **обнять кого-либо** (выражая при этом участие, любовь к адресату жеста и т. п.) и **объятие** (взаимный жест приветствия, обычно осуществляемый с характерным звуком).

Особый подкласс адапторов тела образуют **самоадапторы**. Самоадапторами называют и звуки, которые человек извлекает из разнообразных действий с собственным телом, и сами части тела, участвующие в производстве таких звуков. Действия человека со своим телом могут быть проинтерпретированы адресатом как (а) осознанные поведенческие акты, целью которых является передача ему той или иной информации, или как (б) спонтанные акты, выдающие испытываемые говорящим чувства. Кроме того действия человека с телом могут осмысляться как (в) знаковые свидетельства и демонстрации отношения человека к адресату или предмету сообщения. Например, энергичное **похлопывание** или **поглаживание <себя> по животу** передает идею 'сытости'. С силой **обхватывают руками голову** и даже иногда стонут, находясь в отчаянии. Когда человек

постукивает кулаком по лбу, затем по дереву и после этого показывает на адресата, он демонстрирует как данной жестовой последовательностью, так и производимыми при ее реализации звуками, что считает самого адресата или только что совершенные адресатом действия глупыми (о связи смыслов 'деревянный' и 'глупый' см. в Крейдлин 1990).

Второй класс адапторов составляют **адапторы-объекты**. К ним принадлежат используемые в коммуникации материальные предметы и звуки, возникающие во время действий с такими или над такими предметами. Через посредство адапторов-объектов раскрываются семиотически важные свойства данной культуры или коммуникативного акта. Ср., например, барабанную дробь, вслед за которой или вместе с которой звучат фанфары, возвещающая о начале торжественного мероприятия, или семиотическую значимость боя часов или курантов, звука от разбиваемой о борт корабля бутылки шампанского и пр. С помощью адапторов-объектов могут устанавливаться постоянные и переменные качества и черты характера исполнителя движения (например, быстрое постукивание пальцами по столу может говорить о нетерпеливости жестикулирующего, а медленное – о задумчивости), обогащаются в смысловом отношении передаваемые в процессе коммуникации словесные сообщения, ср. символическую значимость в нашей культуре звука ночных шагов по лестнице, символику шума от разбиваемой сознательно посуды, стука в дверь или в окно. Перед тем, как войти в дом, мы обычно звоним или стучим в дверь, а в ряде деревень, где живут американские индейцы, стук считается весьма грубым поведением по отношению к хозяевам и может повлечь крупные неприятности для стучащего: там человека надо вызывать голосом. Стереотипным образом, но по-разному осмысливаются и оцениваются в русской культуре легкий и тяжелый стук в дверь, по-разному означиваются стук в дверь сомкнутыми в кулак костяшками пальцев и более громкий и явно менее приятный стук в дверь кулаком. *Колотить в дверь* – это совсем не то же самое, что *стучать в нее*, *постучаться* (= *постучать в дверь*, скорее всего, костяшками пальцев) не то же, что *дубасить* (если рукой, то только кулаком!).

Большая по объему теоретическая глава 3, посвященная **кинесике**, открывается §1 "**Введение**", в котором очерчивается предмет исследования. **Кинесика**, в широком смысле слова понимаемая как наука о языке тела и его частей, является центральной областью невербальной семиотики. Иногда кинесику отождествляют с техникой тела, включая в нее также незнакомые движения, однако подавляющее большинство исследователей, к которым мы присоединяемся, склоняются к более узкому пониманию кинесики, считая ее **учением о жестах**, прежде всего **жестах рук и ног**. Кроме того, в ее сферу включают **мимические жесты, позы и знаковые телодвижения** (в дальнейшем, если не будет особой необходимости эти единицы различать, я буду называть их для краткости просто **жесты**).

При таком понимании кинесики из ее объектов исключаются **искусственные жестовые языки**, мало соотносящиеся с речью. Это, в первую очередь, языки, созданные для глухонемых. Отдельные, не входящие в кинесику области исследования образуют также **жестовые языки сравнительно узких социальных групп** типа языка жестов монахов-траппистов, а также особые

ритуальные жестовые языки, весьма распространенные среди аборигенов Австралии. Исключаются из предметной области кинесики и **профессиональные жестовые языки и диалекты**, такие, как, например, жестовый язык мукомолов в Британской Колумбии, торговые и биржевые невербальные знаковые системы, жесты спортивных судей или военных (за исключением тех единиц, которые вошли в обыденный жестовый язык, как, например, **отдать честь**). Сфера применения всех подобных специальных языков, в отличие от обычных языков тела, рассматриваемых в кинесике, весьма узкая.

В §2 "**Жесты в истории культуры. Язык жестов и естественный язык**" определяется место жестов в истории культуры, устанавливаются сходства и различия между жестовыми и естественными языками. Параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов в коммуникативном акте возможно в силу того, что **глубинные процессы, лежащие в основании невербальной и вербальной деятельности человека, в существенных отношениях, по всей видимости, аналогичны**. Об этом говорят, по меньшей мере, следующие четыре факта: (а) смысл в определенных условиях может выражаться только жестами (см., например, смысл 'молчи' и русский жест **прижать палец к губам**), только словами или комбинацией тех и других; ср. такие смыслы, как 'иди сюда' или 'отлично', и, соответственно, жесты **поманить пальцем** и "**показать большой палец**", часто сопровождаемые словами (кавычки при наименовании жеста означают, что жест не имеет в соответствующем естественном языке стандартного и прагматически освоенного имени); (б) жестовое поведение людей, как и речевое, изменяется в пространстве, во времени и под действием меняющихся социоэкономических и культурных условий, ср. *У каждого времени своя жестикуляция, своя походка, своя манера раскланиваться, брать под руку, пить чай, держать речь. В пятидесятые годы вели себя иначе, чем в тридцатые или двадцатые. Например, на всех произвело впечатление, что Зубр поцеловал руки встречавшим его женщинам. Тогда это было не принято. Поёживались от его громкого голоса, от неосторожных фраз. Что-то было в поведении приехавших не нынешнее, не тутешнее и в то же время смутно узнаваемое, как будто появились предки, знакомые по семейным преданиям. Этакое старомодное, отжитое, но было и другое – утраченное (Д. Гранин)*; (в) жесты, как и языковые единицы, по большей части являются символическими знаками. Они образуют лексикон языка тела подобно тому, как лексические единицы составляют словарь естественного языка; (г) многие жесты данного языка тела допускают перевод и на соответствующий вербальный язык и на другой, "иностраный", жестовый язык, причем проблемы перевода, связанные с жестовыми языками, примерно те же, что и проблемы, касающиеся перевода с одного естественного языка на другой.

Вербальное отражение кинемы мы называем **номинацией**; обычно это полнозначное слово или сочетание слов. Репертуар жестов и их номинаций, вообще говоря, со сменой естественного языка меняется, а усвоение людьми нового языка жестов происходит значительно медленнее, чем овладение новым естественным языком. На протяжении истории многие жесты проходят путь от иконических знаков до символических, от выражения "простых" значений с помощью иконических форм к выражению абстрактных идей. В диссертации показано, что даже в тех ситуациях устного

общения, когда речевые единицы являются явно доминирующими способами кодирования и передачи смыслов, последние, как правило, структурно оформляются и кодируются не одними только лингвистическими средствами, но также иконическими и символическими элементами поз и движений разных частей тела.

Помимо важных общих свойств, между естественным языком и языком тела имеются более заметные **фундаментальные различия**, которые не позволяют рассматривать эти языки как изоморфные семиотические коды или как хотя бы явления одного порядка. Укажу лишь на три наиболее очевидных расхождения между ними.

1. Во-первых, между носителями естественного языка обычно существует определенное согласие относительно формы, значения и употребления языковых единиц: почти про каждый элемент люди, свободно владеющие данным языком, могут сказать, принадлежит он языку или нет, и если да, то что он значит и как употребляется в предложении и тексте; при этом большого расхождения во мнениях обычно не наблюдается. И хотя в большинстве случаев немногие люди способны точно и ясно описать семантику языковых единиц, все они примерно одинаково реагируют и на возможные изменение языковой формы, и на изменение значения, причем это касается не только центра языковой системы, но и периферии. Естественные языки все состоят из относительно стабильных и дискретных единиц. Между тем никакой сопоставимой стабильности и дискретности в языках тела не обнаруживается: невербальный язык гораздо более неустойчивый и вариативный, что проявляется как в самих единицах, то есть жестовой лексике, так и в правилах их комбинирования, жестовом синтаксисе. Нет также и ясного согласия между носителями жестового языка относительно состава и особенностей функционирования элементов жестовой системы: только центр ее более или менее очерчен, а периферия не только плохо описана, но и слабо освоена. Так, про многие невербальные единицы бывает вообще трудно сказать, являются они жестами или представляют собой физиологические движения.

Основной критерий отделения жестов от физиологических, чисто утилитарных движений человеческого тела, жестами не являющихся, – это **знаковый характер жеста**. Как и всякий знак, жест имеет означающее, означаемое, синтактику и прагматику, причем связь между означающим и означаемым носит в большинстве случаев конвенциональный характер. Поэтому движениями, а не жестами являются, например, вращение головой из стороны в сторону, когда натирает шею тугой воротничок, смена положения ног в случае, когда они затекли от долгого сидения нога на ногу, чесывание, когда чешется, гримасы боли, горизонтальное положение тела спящего и тысячи других. Жесты служат для выражения некоторого, по большей части конвенционального, смысла, подлежащего лексикографированию, а, например, чихание в норме не имеет знаковой, или семиотической, функции. Ведь человек чихает не для того, чтобы выразить или передать какой-то смысл; так, он делает это заведомо не с целью информировать собеседника о неполадках в системе дыхания. Еще одним отличием жестовых знаков от незнаковых физиологических движений является способность жестов менять свое значение в географическом и культурном пространстве и во

времени. Физиологические движения в силу неконвенциональной связи между их формой и значением такой способностью не обладают.

2. Во-вторых, механизм референции языковых единиц устроен и действует иначе, чем механизм референции жестовых знаков. В коммуникации принимает участие значительное число жестов, которые либо обозначают прямо свой денотат, каковым является объект и его признаки – форма, размер и т. п. (при этом сами части тела используются для прямого указания на объект или являются его субститутотом), либо отображают фрагменты ситуаций или целые ситуации, выступая в акте общения как аналоги речевых высказываний. Таковы, например, русские жесты **кивок** (аналог речевого высказывания *Да*), **мотать головой** (невербальный аналог высказывания *Нет*), **поднять (вскинуть) бровь** (аналог вопроса-удивления, что-то вроде *Да ну?*). Жестовая коммуникация по своей природе имеет дело только с конкретными ситуациями и объектами, а языковые единицы обладают возможностью референции также к абстрактным понятиям, объектам и категориям, что позволяет им обслуживать несравненно большее число идей.

3. В-третьих, в устной коммуникации жесты, в отличие от слов, воспринимаются в основном глазами. По большей части жесты – это зрительные знаки, но наделенные особыми функциями: они не только описывают явления, ситуации, объекты и свойства реального мира, но также указывают на реалии и изображают их. Жестовые элементы по своей природе демонстративны и выполняют в акте общения, помимо информативной, экспрессивной и пр., изобразительную функцию.

В связи с ролью жестов в истории культуры отмечается, что история знает периоды, когда язык тела был не менее значим, чем язык слов. Например, культуру Средних веков часто называют культурой жеста, или жестовой культурой, подчеркивая этим как ту роль, которую движения и положения человеческого тела играли в социальных отношениях, так и то, что средневековая культура сама много размышляла о своих жестах, создавая по сути дела их теорию. Хотя жестовая культура, в особенности средневековая, представлена в сравнительно небольшом числе публикаций, известно, что средневековое представление о жесте как о природной форме выражения индивидуально-психологических и общественных процессов было весьма распространенным и устойчивым. Французский историк и философ Марк Блок отмечал, что ритуализация феодального общества в гораздо большей степени выражена в жестах, чем в устных словах или письменных текстах. Обыкновенный жест обладал огромной юридической и религиозной силой, способной, по словам М. Блока, "привести в действие не только отдельных людей, но и целые коллективы".

Общество и в Средние века и в более позднее время тоже воспринималось как нечто цельное. Это было тело или организм, члены которого – голова, глаза, уши, руки и корпус – представляют разные социальные группы, которые, кстати, часто именно так и назывались (ср. слова и выражения *городской голова, это мои глаза и уши, корпус* и т. п.), с четко обозначенными функциями, культурными, моральными и этическими ценностями, отображенными в отдельных жестах и жестовых высказываниях. Можно даже сказать, что такие группы, как, например, рыцари, купцы, монахи или риторы, образовывали каждая свое жестовое сообщество со своим порядком и своим невербальным языком. В ту пору жесты выполняли по меньшей мере две основные функции. С одной

стороны, они подтверждали принадлежность человека к данному коллективу, а с другой, отражали иерархию членов как внутри одной группы, так и между группами. Сказанное относится как к официальным ритуальным жестам, исполняемым во время коронации или свадебного обряда, во время богослужения или в ходе судебного процесса, так и к прежним повседневным жестам, таким, как, например, **перекреститься** перед трапезой, при встрече с юродивым или перед опасным предприятием, **рукопожатие** при встрече, прощании или как знак примирения, **положить руку на грудь** в знак признательности, почтения или смирения. Каждый из этих жестов имел свое значение и свои контексты употребления.

И по сей день жесты не только обслуживают различные общественные и частные ритуалы; они являются неотъемлемым и необходимым компонентом бытовой жизни людей. В каждом этническом коллективе, в каждой культуре жесты не только выполняют идеологические, культовые и социальные функции, они также отражают практическую деятельность частного человека. Особенность нашего времени заключается еще и в том, что в период быстро растущей сложности межличностных и социальных взаимодействий, когда большое значение отводится отношениям между отдельным человеком и коллективом, между частным человеком и властью, реально исполняемые простые движения и примитивные техники тела сами по себе утрачивают способность предотвращать военные, общественные и дипломатические конфликты, как это нередко бывало в Средние века. Сегодня для этого нужна серия поступков или, если угодно, нетривиальных жестов навстречу оппоненту. Как показывают некоторые события современной истории, часто бывает достаточным исполнения таких символических жестов, как **протянутая для рукопожатия рука** или доброжелательная **улыбка**, поз **склонить голову** или **снять шляпу перед могилой**, чтобы пришли в действие силы, приводящие к желанным конкретным результатам (ср., например, склоненные головы немецких официальных лиц перед могилой русских солдат, погибших от рук фашистов во Второй мировой войне, – знак, прочитывающийся не только как знак скорби, но и как свидетельство приносимых России от имени всего немецкого народа искренних извинений, или обошедшие весь мир фотографии рукопожатия И. Рабина и Я. Арафата, – жеста, воспринятого и оцененного как знак надежды на возможное мирное разрешение ближневосточных проблем). Эффективность социальных, политических или клерикальных ритуальных жестов в современной общественной практике может быть весьма высокой.

Разумеется, жесты, как и любые другие знаки, с течением времени могут измениться и даже исчезнуть. Сегодня лишь отдельные фразеологические выражения напоминают нам о многих живых жестах прошлого, ср. *бросить перчатку, пасть на колени, припадаю к вашим ногам, низко кланяюсь, разрешите откланяться*. Подобные единицы мы называем **жестовыми фразеологизмами**, или **жестовыми фраземами**; они составляют материал §3 "**Жесты и жестовые фраземы**".

В §4 "**Кинетические исследования**" охарактеризованы основные направления современных кинетических исследований, а в §5 "**Жесты в соотношении с речью**" речь идет о разнообразных соотношениях жестов с речью в повседневном человеческом общении.

Жесты в акте коммуникации могут (а) **повторять**, или **дублировать**, **актуальную речевую информацию**; ср., например, **показывать пальцем, глазами** или даже **головой**. Эти жесты нередко сопровождают указательные местоимения и наречия *это, вот, вон, сюда, туда* и др., в смысловом отношении дублируя данные слова; (б) **противоречить речевому высказыванию и вводить адресата в заблуждение**. Так, человек, говорящий, что он, дескать, абсолютно спокоен, но при этом **ломающий руки** или **перемещающийся по комнате** в довольно беспорядочных и порывистых движениях, как бы противоречит самому себе; **улыбка** может сопровождать отнюдь не дружелюбное высказывание и т. п.; (в) **замещать речевое высказывание**. Примерами являются жест **кивок**, используемый как эквивалент положительного ответа на вопрос или речевого акта согласия, или жест **приложить палец к губам**, который является эквивалентом высказываний *Молчи!*, *Ни слова!*. Жесты и кинетическое поведение в целом часто (г) **подчеркивают** или **усиливают какие-то компоненты речи**. Так, величину предмета подчеркивает кинема "**вот какой большой**", при которой руки широко разводятся в стороны; данный жест всегда сопровождается соответствующими словами. Жесты могут (д) **дополнять речь в смысловом отношении** (слова угрозы *смотри у меня* в актуальной коммуникации нередко дополняются жестом **погрозить пальцем** или, что является выражением гораздо более сильной угрозы, жестом **погрозить кулаком в сторону адресата**) и (е) **исполнять роль регулятора речевого общения**, в частности быть средством поддержания речи; ср. периодически повторяющийся кивок одного из участников коммуникации (**академический кивок**) – жест с явно выраженной фатической функцией, и др.

В §6 "**Рождение кинесики: люди, проблемы, идеи, основные единицы**" прослеживается становление и развитие науки о жестах. В ней рассказывается об основных проблемах и идеях, а также о людях, стоявших у истока этой науки и немало способствовавших ее развитию. Создателем кинесики является замечательный американский антрополог Рэй Бирдвистел, а годом ее рождения можно считать 1952-й, когда в свет вышла его монография "Введение в кинесику: аннотированная система записи движений рук и тела", в которой ученый представил результаты многолетних исследований в этой области, причем не только свои собственные, но и своих коллег. Одной из задач, которую поставил перед собой Р. Бирдвистел, было создать каталог отдельных простейших человеческих движений и статичных поз – кинетических атомов и молекул. Еще ранее элементарные акты телесного человеческого поведения были названы им **кинами** ("мельчайшие, далее не делимые, наименее заметные движения"; "кин имеет чрезвычайно малую длительность, приблизительно 1/50 сек.") и **кинемами** ("более крупные единицы, с помощью которых происходит реальное общение людей"). Поскольку слово *жест* я понимаю в диссертации достаточно широко, слово *кинема* для меня является просто его синонимом.

В ходе работы над каталогом ученый вместе с коллегами и учениками описал отдельные жесты разных народов, выделив типовые формы жестов, свойственные всем или большинству мировых культур. В частности, он обнаружил, что в его родной американской культуре люди регулярно используют в общении обычно порядка 50 – 60 кинем, из которых больше половины соотносятся с головой, главным образом с областью лица. Развивая идеи Р. Бирдвистела и дополняя

его список, мы можем сегодня указать, например для бровей, следующие, с семиотической точки зрения основные и, насколько можно об этом судить по изученной нами литературе и беседам с зарубежными учеными и студентами, по большей части универсальные, положения: (а) **поднятые вверх брови** (так называемая *вспышка бровей*), характерные для удивленных или изумленных глаз. У этой кинемы в русском языке имеются и другие синонимичные номинации: *вскинутые (вверх) брови, брови поднялись, поползли вверх* и др. (б) **изогнутые брови**, указывающие на удивление, на непонимание или недоверие. Другой способ назвать тот же жест – использовать глагольные сочетания: *изгибать брови* (или: *бровь*), *поводить, повести бровями (бровью)*; (в) брови, опущенные вниз и сдвинутые с силой к переносице, – форма жеста, который по-русски называется **насупленные**, или **сдвинутые, брови**. Данный жест сопровождается характерным выражением всего лица и прежде всего особой формой губ. Такая комбинация кинем придает лицу *суровый, угрюмый, мрачный* или, как говорят также, *насупленный вид* и указывает на неудовлетворенность или гнев; (г) существует и другая, внешне напоминающая предыдущую, форма бровей, – **нахмуренные брови**. При нахмуренных бровях ведущим сопутствующим движением является не смена положений губ, как при насупленных бровях, а изменившаяся по сравнению с нормальной форма лба. Морщины на лбу человека собираются в складки, вследствие чего его лицо приобретает несколько более "мягкое" – *сердитое* выражение, – или еще более мягкие формы, такие как *недовольное, озабоченное* или *сосредоточенное, задумчивое лицо*. **Нахмуренные брови** указывают не только на отрицательное эмоциональное состояние жестикулирующего, но и на возможный с его стороны мыслительный акт (сосредоточенное размышление над какой-то проблемой). Изменение формы лба обозначают словами *нахмуренный лоб* или *наморщенный лоб*; (д) **опускание вниз бровей** без их одновременного движения в горизонтальной плоскости. Такая жестовая форма, выделенная Р. Бирдвистелом в целом ряде невербальных культур Запада, для русской культуры не характерна; (е) **поднимание вверх (или опускание вниз) одной брови** – то, что по-английски передается как **lifted (lowered) (или: single-brow) movement**. В русском языке глаз данный жест является мимическим выражением скепсиса; кроме того, указанное движение часто сопровождает словесно выраженный вопрос, затрагивающий или волнующий жестикулирующего, то есть то, что называется вопросом личного свойства.

Примерно в то же время стали появляться теоретические и экспериментальные работы, относящиеся к анализу явлений межкультурной омонимии и синонимии жестов, к типологии функций и ролей жестов в интерактивном общении. В нашей отечественной науке исследование жестов велось в разных направлениях, но в основном это были работы биологического и психологического плана. Лингвистов жесты интересовали в значительно меньшей степени, и отечественных научных лингвистических сочинений, **специально посвященных жестам и невербальной коммуникации**, не так уж много. Назову работы Акишина, Кано 1980; Верещагин, Костомаров 1981; Волоцкая и др. 1962; Галичев 1986; Горелов 1980; Горелов, Енгальчев 1991; Красильникова 1977; Красильникова 1983; Муханов 1989; Николаева, Успенский 1966; Панькин, Филиппов 1979; Смирнова 1971; Сорокин 1999; Формановская 1982, Шелгунова 1979. Хотя метод анализа, который применяли в своих исследованиях эти ученые, был преимущественно

deskриптивный, все они рассматривали невербальную коммуникацию как сложное целое, состоящее из взаимосвязанных элементов и частей, то есть как **систему**.

Анализ невербальной коммуникации тоже должен быть **системным** – именно такой точки зрения мы придерживаемся в настоящей работе. Системный подход к невербальной коммуникации предполагает, что межличностное невербальное поведение имеет структуру (в чисто формальном, логико-математическом смысле слова, понимаемую как множество единиц с заданными на нем отношениями) и совершается по определенным правилам, которые я предлагаю называть **правилами невербального поведения**. Первоочередной задачей кинесики является описание как самой этой структуры, так и правил невербального поведения. Я считаю, что невербальное поведение человека, которое представляет, главным образом, интерес для лингвистики и семиотики, как и вербальное, в своей основе является **осмысленным, интерактивным, социальным и культурным**. При таком понимании вербальный и невербальный знаковые коды предстают, хотя и отдельными, но во многих отношениях неразделимыми, интегральными частями одной коммуникативной интерактивной системы. Приведу здесь всего лишь два простых примера, свидетельствующих о спаянности речевого и неречевого кодов в реальном устном общении: (а) нельзя сказать *Посмотри, на кого ты похож!* и при этом не смотреть на собеседника; (б) нельзя произнести *Я во как наелся* и не показать это жестом.

Решающим фактором и условием для производства и понимания жеста справедливо считается **контекст**; только в контексте уточняются значения и функции кинем, участвующих в коммуникативном процессе. Уделив большое внимание **невербальному контексту**, Р. Бирдвистел и его ученики ввели в научный обиход очень важное понятие **кинетической переменной <данной кинемы>**. Кинетические переменные, как и кинетические константы, – это существенные для коммуникации **характеристики жестов и жестовой деятельности**, такие как время совершения движения, способ его реализации, объем движения, степень мускульного напряжения и пр. Впоследствии понятие кинетической переменной было расширено, и к кинетическим переменным кинемы стали относить также некоторые свойства **контекста ее употребления**: социальный статус партнеров по коммуникации, их возраст, пол, отношение друг к другу, тип ситуации и т. п.

В §7 "**Формы и стадии кинетического поведения**" вводятся важные для кинесики новые оппозиции в системе жестов или уточняются уже введенные.

Все кинетические формы делятся нами на два класса – **свободные и связанные**. Свободными кинетическими формами являются движения или позы, исполняемые в интерактивном акте одной или несколькими частями человеческого тела **без участия каких-либо других людей и материальных объектов**. Связанные кинетические формы представляют собой движения или позы, **осуществляемые с помощью каких-то объектов или тел**. Отмечено, что частота связанных форм в общении довольно высокая и гораздо выше, чем свободных. Важными подклассами свободных и связанных кинетических форм являются, соответственно, **свободные и связанные жестовые формы**. Каждая из жестовых форм, будь то свободная или связанная, имеет с разной степенью четкости выделяемые **фазы (стадии) артикуляции жеста**, или **фазы жеста**. По аналогии с

фонетикой их можно назвать, соответственно, **экскурсия**, **реализация (воспроизведение)** и **рекурсия**. И свободная форма – жест руки **манить к себе пальцем**, и свободная форма-поза **сидеть, положив ногу на ногу**, и связанное по форме жестовое движение **хлопнуть дверью** – все имеют по три стадии. Центральной для каждой из жестовых форм является одна стадия, реализация, в особенности ее кульминация, именуемая **пиком**. Экскурсия готовит движение, придавая ему нужную форму, а рекурсия – это стадия, освобождающая энергию, это выход из движения. Движения могут начинаться с разных исходных положений и дальше идти к пику разными маршрутами, после чего имеет место рекурсия.

К коммуникативному поведению относится также **молчание**, которое часто является, по выражению М. Бахтина, "продолжением беседы" и которое бывает двух абсолютно разных с функциональной, семантической и прагматической стороны типов (на что, кстати, до сих пор, кажется, совсем не обращали внимания, несмотря на довольно большую литературу об акте молчания). К первому типу относится **молчание с параязыковыми и жестовыми заполнениями**, ко второму – **молчание с полным отсутствием голосовых звуков**; ср. *Все мучения, которые она испытывала, явно отразились в длительном молчании, наполненном слезами и стонами (Ю. Крелин)* и *Я выходил из себя, жена молчала. Молчание – огромная сила. Надо его запретить, как бактериологическое оружие (С. Довлатов)*. Молчание, таким образом, противопоставляется не говорению как таковому, о чем часто ошибочно пишут, а **передаче информации речевым способом**. Наступление молчания в конкретном акте коммуникации часто свидетельствует не о простом неговорении, а о переходе замолчавшего к другому семиотическому коду; при этом выразительные возможности молчания в сочетании с параязыковыми элементами и жестами не менее широкие, чем при полном молчании; ср. *Он не мог вымолвить ни слова и молча заплакал (Ф. Достоевский)*; *Я это сейчас заметил, хотя она почти все время молчала и стояла передо мной, потупив глаза и ужасно стыдясь (Ф. Достоевский)*; *Он помолчал, диковато озираясь, потом неожиданно зевнул, потом улыбнулся со злобой (М. Булгаков)*. В диссертации показано, что оба типа молчания входят вместе со звучанием и голосом не только в языковые, но и культурные оппозиции.

В §8 "**Основные функции жестов в человеческой коммуникации**" описываются основные функции жестов в акте коммуникации. Среди них можно отметить: (а) **регулирование и управление вербальным поведением говорящего и слушающего**; ср. жесты, сопровождающие речевые акты приветствия, приказы, просьбы и другие; (б) **отображение в коммуникативном акте актуальных речевых действий** (эта функция является основной у так называемых **перформативных речевых жестов**, которые "обеспечивают визуальную репрезентацию разворачивающегося речевого действия" (П. Э. Риччи-Битти); к таким жестам принадлежат, например, невербальные просьбы типа жеста **поманить пальцем**, жесты-вопросы, жесты-угрозы и пр.); (в) **передачу адресату некоторой порции смысловой информации**; (г) **репрезентацию внутреннего психологического состояния жестикулирующего или его отношения к партнеру по коммуникации**; (д) **дейктическую функцию**, например указание на местоположения человека или объекта; (е) жестовое **изображение физических действий человека, контуров и параметров объекта и др.**; ср. жестовое представление

чьей-либо походки или имитацию манеры чужого поведения за столом, пояснение величины или размера какого-то предмета; (ж) **риторическую** функцию. Значение и употребление некоторых жестов может быть охарактеризовано в терминах риторических фигур, таких как метафора, метонимия, гипербола, ирония и т. п. В этом случае мы имеем дело с **художественными невербальными средствами**, прежде всего с **жестовыми тропами**. У риторических жестов есть свои специфические функции в коммуникативном акте. Помимо передачи точного значения, они связаны с определением коммуникативных контрастов, который весьма существен для производства и понимания речи: при использовании риторических жестов акцент со слова переносится на визуальный образ, который это слово порождает. Слова должны быть увидены – в этом тезисе кроется существо ораторского приема употребления риторического жеста. Например, выступающий может перевоплотиться в дикого зверя с целью внушить аудитории страх и ужас (прием "бестиализация") или превратиться в смиренного грешника, чтобы выразить идеи набожности и повиновения. Подобные телесные метаморфозы призваны выразить словесно невыразимое, и в этом можно видеть назначение риторических жестов.

В §9 "**Важнейшие противопоставления внутри жестов и внутри жестовых систем**" рассматриваются основные **семиотические классы жестов**: (а) **эмблематические жесты**, или **эмблемы**, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста; (б) **иллюстративные жесты**, или **иллюстраторы**, выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации, и (в) **регулятивные жесты**, или **регуляторы**, управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию. Особое внимание в работе обращено на **эмблемы**, которые могут выступать в коммуникативном акте сами по себе, отдельно от речи. **Установлено**, что хотя бывают эмблемы, являющиеся невербальными аналогами слов, **для русского языка жестов более типичны эмблемы – аналоги речевых высказываний**. Примерами эмблем являются русские жесты **махнуть рукой, покачать головой, стоять руки в боки, подмигнуть**.

Иллюстративные жесты по своей природе не могут передавать значения независимо от вербального контекста и никогда не употребляются отдельно от него. Примером иллюстраторов служат невербальные единицы **"легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его"**, **"чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса"** и **"раскрытые руки в направлении ладонями вверх и слегка наклоненные к адресату"**. Последняя жестовая форма, к примеру, показывает, что жестикулирующий намеревается сразу же вслед за исполнением данного жеста ввести в свою речь новую тему сообщения. В коммуникативном акте данный жест всегда выступает вместе со словами *А теперь...*; *<А> вот сейчас...* и под.

Регуляторы, как и эмблемы, могут выступать как вместе с речью, так и без нее. Они выполняют в коммуникации регулятивную функцию, например фатическую функцию поддержания общения или функцию установления контакта. Примерами регулятивных жестов является **кивок** или его мимический аналог – жест **"<периодическое> открывание и закрывание глаз"**. Характеристике иллюстраторов и регуляторов посвящены, соответственно, §11 и §12.

Далее в главе систематизированы, охарактеризованы и проиллюстрированы **основные оппозиции внутри жестовых языков**. Это (а) **исконные** и **заимствованные жесты**; (б) **жесты языка и диалектные (территориальные, профессиональные и др.) варианты**; (в) **взрослые и детские жесты**; (г) **мужские и женские жесты**; (д) **жесты с адапторами и без адапторов**; (е) **прагматически освоенные и неосвоенные жесты**; (ж) **жесты, имеющие стандартную языковую номинацию, и жесты, не имеющие таковой**.

По отношению к источнику своего появления в данном языке тела все жесты, подобно словам или фразеологическим единицам естественного языка, делятся на два класса – **исконные** и **заимствованные**. Примером заимствованного жеста в русской культуре может служить жест **"ОК"**, или **кольцо**.

Языку жестов, как и естественному языку, свойственна вариативность. Наряду с повседневными бытовыми жестами, образующими центр кинетической системы, имеются **географические, или территориальные, а также профессиональные, социальные, конфессиональные** и другие **жестовые диалекты**.

Значимым в социальном и культурном планах является выделение взрослых и детских жестов. Все жесты мы делим на три класса: **взрослые, детские и общие**, свойственные как взрослым, так и детям. Русскими детскими жестами являются, например, жесты из лексикографического типа "дразнилок" – **показать язык, показать нос, надуть щеки** и другие. Отметим попутно, что если в России жест **показать язык** является детским жестом-дразнилкой, то в Тибете – это жест приветствия, исполняемый равным образом и взрослыми и детьми. Детским жестом является также телодвижение **скакать на одной ножке**. Взрослыми жестами являются единицы **закрыть лицо руками, поглаживать бороду, стукнуть кулаком по столу**, жесты из лексикографического типа 'приглашение выпить', обценные жесты, некоторые виды касаний и ряд других.

Хорошо известно, что параязыковое невербальное поведение женщин отличается от аналогичного поведения мужчин, – достаточно упомянуть мужские и женские голоса, а также различные у мужчин и женщин голосовые приемы выражения эмоций. Поскольку жестовые движения имеют явно выраженную биологическую основу, релевантность противопоставления мужских и женских жестов должна быть априори столь же очевидна. Несовпадения мужских и женских телодвижений и поз особенно заметны в углах наклона корпуса тела и положении таза, что проявляется, главным образом, в походке и позах. Замечено, например, что мужчины в сидячей позе чаще, чем женщины, отклоняются назад; при этом колени у мужчин раздвинуты, тогда как у женщин они обычно сомкнуты (см. подробный обзор работ, описывающих особенности телодвижений и поз женщин и мужчин, в статье Вругт, Керкстра 1984).

Помимо очевидных расхождений в форме реализации одних и тех же жестов, различными оказываются также некоторые мужские и женские невербальные формы выражения одного и того же смысла в пределах данного жестового языка. Например, выражая смысл 'смушение', русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область ниже подбородка непосредственно перед шеей. Различия по полу, отражаемые в невербальном поведении,

привели к тому, что отдельные жесты и даже целые стили невербального поведения стали оцениваться как (более) женские и, соответственно, (более) мужские, независимо от реального пола их исполнителя. Существуют мужские позы, жесты рук и походка. Это, например, русские позы и жесты **сидеть, развалиясь в кресле, стоять, широко раздвинув ноги, чесать в затылке, стукнуть кулаком по столу**. Примером мужского жеста служит кинема **погладить бороду** или – для тех мужчин, у которых нет бороды, – **потирать челюсть (подбородок)**; см.: – *А теперь что, босс?* – спросила она. – *Я думаю об этом,* – сказал я и *потер челюсть, дабы доказать это* (Г. Гаррисон). Женский стиль кинетического поведения тоже отражается в особых позах, походке и жестах, таких как **поправить волосы, чуть наклонить голову, сидеть, сомкнув колени, ходить, покачивая бедрами**.

Наиболее выражены различия по полу в тех ситуациях общения мужчин и женщин, в которых особое значение имеют социальные и интерактивные кинетические переменные, такие как статус, роль, мотивация, нормативные ожидания, установки, предпочтения и др. Положение женщины в обществе, существующие стереотипные представления, касающиеся ее невербального поведения, стремление избежать санкций за девиантное жестовое поведение (за не "ту позу", "неприличные жесты", "вызывающие взгляды" и т. п.), а отсюда нередко заметная скованность и несвобода в движениях – все эти факторы очень сложным образом взаимодействуют со значениями указанных переменных. Так, невербальное поведение в диалоге с мужчиной женщины-"начальницы", вообще говоря, иное, чем женщины-"подчиненной", а невербальные стратегия и тактика "просительницы", стремящейся во что бы то ни стало достичь поставленной цели, например, уговорить мужчину-врача положить ее старенькую маму в больницу (сильная мотивация), совсем другие, чем "просительницы", протежирующей постороннему человеку (слабая мотивация). Подобные различия в поведении (позы, жесты, мимика) вполне осознаются людьми, что, в частности, прекрасно продемонстрировали ролевые невербальные диалогические игры, время от времени проводимые мной на семинарах по невербальной семиотике на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ.

Наличие гендерных расхождений в жестах и невербальном поведении в целом свойственно самым разным культурам. Вот несколько зафиксированных свидетельств этому: *Я хочу, чтобы мужчины мной восхищались, но этому учишься в школе – повела глазами, понизила голос, коснулась плеча. Если они [мужчины – Г. К.] думают, что ты от них в восторге, они будут в восторге от твоего вкуса, будут восхищаться, и хоть на время покажется, что в тебе есть что-то хорошее* (Г. Грин); *Он уснул около двух, часа в четыре проснулся и по-мужски положил руку мне на плечо: он понял, что я сразу повернусь к нему* (В. Маркова); *Однажды в училище поступил молодой князь Г., отпрыск одного из самых влиятельных, старинных и консервативных дворянских родов империи. Все находили его кроткие глаза пошлыми и жеманными; над его манерой стоя выпячивать одно бедро и при разговоре медленно играть пальцами они смеялись, как над бабьей* (Р. Музиль).

На основе введенного противопоставления свободных и связанных жестовых форм естественно выделяются **жесты без адапторов** и **жесты с адапторами**. Русские жесты без адапторов – это **указать пальцем** (в этом жесте нет адаптора, так как при движении не возникает звуков)

подмигнуть, поза **стоять смирно** и многие другие. Адапторы тела присутствуют, например, в жестах **похлопать по плечу** (адаптор тела – плечо), **ударить по рукам** (адаптор тела – рука адресата), **припасть к ногам** (адаптор тела – ноги). В жестах **хлопать дверью** и **стучать кулаком по столу** участвуют адапторы-объекты – соответственно, дверь и стол (а также звуки от хлопанья и удара), а во втором жесте присутствует также адаптор тела – кулак. Все это примеры жестов с адапторами.

Разные органы тела в разных культурах могут связываться с разными когнитивными и эмоциональными компонентами. Например, в русской невербальной культуре смысл 'наказание' стереотипно, если можно так выразиться, "закреплен за задней частью тела" (ср. жесты **отшлепать (шлепок)**, **подзатыльник**, **пинок <под зад>** и др. – редкое исключение составляет, по-видимому, заимствованный, жест **щелчок**). Между тем у представителей ряда племен индейцев Южной Америки, не носящих практически никакой одежды и обычно говорящих приезжающим к ним в гости европейцам нечто вроде "наше тело – это все равно, что ваше лицо", смысл 'наказание' выражается иначе. Там существует следующая социальная практика: наказывая человека, разрешается наносить ему удары палкой и рукой чуть ли не по всем частям тела, а не только по спине (исключение составляют лишь половые органы), можно в наказание бить человека по передним частям ног, по лбу и даже (последнее все же касается только мужчин) по животу. Смыслы 'человеческая привязанность' и 'любовь' передаются в европейской культуре, в основном, губами и руками; ср. **поцелуй** (на самом деле это не один жест, а имя класса жестов), **погладить**, **прикоснуться**, **обнять**, **ласкать** и др., а смысл 'свобода телесного поведения' – обычно всем корпусом или ногами (ср. различные походки и позы, вплоть до так называемых "развязных": **ходить в развалочку**, **ходить, покачивая (вихляя) бедрами**; **развалиться**; **сидеть нога на ногу**; **сидеть ноги на стол**; **потягиваться** и др.). Между тем в культуре народа Тикопия, живущего на тихоокеанском побережье Австралии, как указывает Р. Фёрс (Фёрс 1970), природное пространство членится на **переднее** (anterior) и **заднее** (posterior), и все важнейшие смыслы, отображающие межличностные отношения, закреплены за передним пространством, или, как называет его народ Тикопия (в переводе на русский), *лицом*. Например, смысл 'любовь к человеку' в этой культуре закреплен за носом; говоря точнее, смысл 'любовь', а также смыслы 'уважение к другому' и 'установление контакта' выражаются путем касания носом различных частей тела другого человека (носа, запястья или колена – чем больше любовь или уважение, тем место касания ниже), который должен стоять лицом к жестикулирующему.

Среди жестов одни единицы являются **прагматически освоенными**, то есть стали устойчивыми и привычными для людей данного этноса или культуры и сравнительно часто употребляются, тогда как другие единицы, **прагматически неосвоенные**, используются в коммуникативном акте в гораздо меньшей степени и далеко не всегда в нем распознаются как жесты. Важным показателем того, что жест входит в класс прагматически освоенных, является наличие у него **стандартного языкового обозначения в виде закрепленной в языке номинации** (а чаще – нескольких синонимичных номинаций). Например, наклон головы вперед, означающий согласие или одобрение, называется **кивок**, а если сходное движение выражает скорбь и выполняется в особых

ситуациях (обычно на похоронах или стоя перед могилой), то используется выражение **склонить голову**. Все это жесты. При наклоне же головы вперед с целью рассмотреть какой-нибудь предмет на земле или на полу (то есть для физиологического движения, а не жеста) эти языковые единицы не используются, ср. неправильные выражения **кивнул, чтобы рассмотреть, *склонил голову, чтобы разглядеть*. **Потрепать по щеке** – это жест, а *похлопать по щеке* – движение. *Пожимать* и *опускать плечи* – это номинации незначковых движений, а *пожать плечами* – название жеста. Одно дело **дать кому-то подзатыльник** в наказание за какой-то незначительный проступок (жест наказания) и совсем другое *ударить по затылку* (движение). Примером русских прагматически освоенных жестов и их номинаций являются **подмигнуть, протянуть руку, показать глазами, дотронуться до плеча**.

Прагматически неосвоенные и плохо освоенные жесты обычно не имеют общепринятого языкового имени, однако и некоторые прагматически освоенные жесты тоже не имеют стандартного наименования. Таким образом, деление жестов на прагматически освоенные и неосвоенные не совпадает с делением жестов на **жесты, имеющие <стандартную> языковую номинацию, и жесты, не имеющие таковой**. Если у жеста в языке нет стандартного названия, мы для его обозначения обычно используем смысловые единицы из текста его толкования или языковые единицы из текста его физического описания, заключая имя жеста в кавычки; ср., например, жесты **"стой"** (вертикально направленная в сторону адресата выпрямленная открытая ладонь жестикулирующего), **"закрывать и открывать глаза в знак согласия"**.

Степень фразеологизации номинации жеста выше, чем у свободного сочетания слов. Это проявляется, в частности в том, что если в названии жеста имеется предлог, то ударение обычно смещается именно на него. Имя жеста **стучать кулаком по столу** по нормам русского языка должно прочитываться с ударением на предлоге *по*, в то время как свободное сочетание слов *стучать молотком по столу*, называющее физическое действие, имеет ударение на слоге *-лу* в словоформе *столу*; ср. также **хвататься за голову** (жест, ударение на предлоге) и *внезапно схватился за голову* (свободное сочетание, ударение не на предлоге). Впрочем, сказанное об ударении не является безусловным правилом, а существует скорее как тенденция, ср. жесты **щелкать по носу** (ударение на предлоге *по*) и **провести рукой по горлу** (ударение не на предлоге *по*).

Жесты и жестовое поведение по-разному отражаются в вербальных формах, и прежде всего это касается связи жестов с их естественно-языковыми номинациями. Так, один и тот же жест может быть передан в тексте разными номинациями, причем вариативность бывает синтаксической (*опустил голову/голова опустилась*), лексической (*делать большие/круглые глаза*) или стилистической (*опустить глаза/очи*), см. об этом подробно в статье Верещагин, Костомаров 1981. Возможна и противоположная ситуация, когда одна реально встречающаяся в тексте словесная форма соответствует разным кинемам (ср. *махнуть рукой, протянуть руку, поцелуй, кивок*). Адекватное владение невербальным языком включает в себя не только умение пользоваться его жестами как элементами невербального семиотического кода, но и знание всех номинаций каждого из жестов, а хорошее владение естественным языком в качестве одной из составляющих

предполагает не только умение пользоваться языковыми номинациями как элементами вербального семиотического кода, но и способность распознавать по номинациям стоящие за ними жесты.

В §10 строятся одна семантическая и две морфологические классификации **эмблематических жестов**. Семантическая классификация эмблем выглядит таким образом. Сначала все эмблемы делятся на больших семантических класса – **коммуникативные** и **симптоматические жесты**. К коммуникативным жестам относятся единицы, несущие информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату. Далее выделяются два важных функционально-семантических подкласса коммуникативных эмблем: **дейктические жесты** (содержащие в своей семантике указание на участников актуальной ситуации общения, на объект или его параметры, место или время, релевантные для этой ситуации) и **этикетные жесты** (передающие информацию о структуре коллектива, в который включен жестикулирующий, или информацию о типе разворачивающейся ситуации); остальные коммуникативные эмблемы объединены в один класс **общих**, или **общекоммуникативных, жестов**. Примеры русских дейктических эмблем – это **подзывать рукой, показать пальцем, поманить пальцем, поманить глазами**. К русским общим жестам принадлежат единицы **склонить голову, приложить палец к губам, покрутить пальцем у виска, отвернуться, постучать рукой по лбу** и др. К этикетным жестам относятся жесты приветствия и прощания, такие как, например, **рукопожатие, вставить (со стула, с дивана и т. п.), махать рукой, поклон** и др., застольные этикетные жесты, дипломатические жесты и некоторые другие. Исходно этикетные, жесты могут сопровождать речь, **употребляясь** как иллюстративные и подчеркивая ритуальный характер вербальной коммуникации. Так, русские этикетные речевые формулы приветствия и прощания – слова *Здравствуйте, Добрый вечер, До свидания* и т. п. – сочетаются с определенными жестами и позами (**улыбкой, протягиванием руки для рукопожатия** и др.), а также знаковыми телодвижениями (остановками в движении, поклонами, приподниманием шляпы). Существуют социально маркированные ситуации, требующие исполнения конкретных этикетных жестов. Это, например, ситуация воинской команды (**вытянуться по струнке**), ролевая ситуация поведения в суде, когда при словах *Встать, суд идет!* необходимо встать. При ответе на вопрос учителя, заданный на уроке, за исключением особо оговоренных ситуаций, ученик в российской школе прежде, чем ответить, должен встать, а при появлении учителя в классе встает, как правило, весь класс. В Германии появление лектора в студенческой аудитории и его уход после лекции обычно отмечаются **постукиванием костяшками пальцев** <по столу>. Этот жест является выражением благодарности: так студенты благодарят преподавателя за то, что тот пришел к ним читать лекцию.

Симптоматические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего, причем означаемым всех симптоматических жестов является именно эмоция, а не ее физиологическое проявление (то есть, например, горе, а не слезы). Примерами русских симптоматических эмблем являются: **прикрыть рот рукой (от изумления), кусать губы, барабанить пальцами по столу, привстать со стула, делать большие (круглые, страшные) глаза, топнуть ногой**. Эти жесты могут производиться не только в присутствии другого, но и тогда, когда человек остается один, то есть

симптоматические эмблемы, в противоположность коммуникативным, в своем исходном употреблении не являются диалогическими. Однако для них верно и то, что жестикулирующий может воспроизводить их в диалоге **намеренно** для обозначения соответствующей эмоции, при этом либо вовсе не испытывая данной эмоции, либо испытывая ее в гораздо меньшей степени, чем та, о которой свидетельствует жест. Фактически речь идет о **возможности регулярного перехода эмблематических жестов из разряда симптоматических в разряд коммуникативных жестов**. Покраснение щек, например в случае стыда, жестом не является, поскольку нормальный человек не может вызвать покраснение щек усилием собственной воли. Покраснение щек – это неконтролируемая физиологическая реакция на некую причину, вызвавшую эмоцию, или на саму эмоцию. Между тем та же эмоция стыда может быть выражена и передана жестом, например жестом **закрыть лицо руками <от стыда>**. Существенно, что, даже не испытывая чувство стыда, жестикулирующий может закрыть лицо руками, имитируя стыд. В этом случае мы, очевидно, имеем дело с вторичным, коммуникативным, употреблением симптоматического жеста. Таким образом, симптоматические эмблемы имеют **два типа употреблений: исходное** (симптоматический жест в симптоматическом употреблении) и **производное** (симптоматический жест в коммуникативном употреблении). Для лексикографического описания жестов сказанное означает следующее: в силу регулярности перехода от одного типа употреблений к другому нет смысла иметь для симптоматических эмблем две единицы – их следует помещать в словарь только в исходном употреблении.

Жесты, причем не только эмблематические, можно классифицировать также по тому, какие органы человеческого тела являются главными в их исполнении. Подобную **классификацию жестов** естественно назвать **морфологической**. Существуют по меньшей мере **две морфологические классификации жестов**, каждая из которых по-своему значима. Первая из них предполагает деление жестов в соответствии с частью тела, которая называется **активным, или рабочим, органом**. Активный орган является **основным в реализации данного жеста**, то есть определяющим **способ воспроизведения жеста**. Соответственно, классификацию, задающую способ исполнения жеста, мы называем **классификацией жестов по активным (рабочим) органам**. Другая, двойственная, классификация разбивает жесты на классы в зависимости от того, какая часть тела служит **местом исполнения жеста**. Это **классификация жестов по пассивным органам, или по месту воспроизведения жеста**.

В §13 "**Синтаксис жестов**" речь идет о синтаксических особенностях жестов. Хотя природа жестовых единиц отличается от природы вербальных, жесты, как и языковые знаки, имеют свой синтаксис, впрочем, мало похожий на языковой. В диссертации **проводится разграничение внутреннего и внешнего синтаксиса жестов**. **Внутренний синтаксис** – это комбинаторика (сочетаемость и упорядочивание) жестовых элементов различных видов при образовании комплексных жестовых выражений. Например, выражения лица по особым правилам "складываются" из выражений губ, глаз, бровей и т. п., и это правила внутреннего синтаксиса. Одна из поз **смирения** состоит из семиотических компонентов "опущенная голова", "сложенные в замок кисти рук" и

"прижатые к телу руки", согласующихся между собой по определенным законам. **Внешний синтаксис** жестов характеризует течение коммуникативного акта в целом и регулируется правилами двух типов: (1) диалогического невербального взаимодействия партнеров по коммуникации и (2) взаимодействия жестовой системы со словесной. В диссертации приводятся некоторые конкретные синтаксические правила и разбираются примеры, демонстрирующие их действие.

В §14 "**Жесты в разных культурах**" и §15 "**Эмоции и мимические жесты**" рассматриваются два узловых и одновременно дискуссионных вопроса кинесики: проблемы **межкультурного соответствия** и **семантического описания жестов**. Объектами семантического анализа служат мимические невербальные единицы – **выражения лица**, рассматриваемые в их соотношении с психологическими, главным образом эмоциональными, состояниями.

Проблема межкультурного соответствия жестов тесно связана с проблемами интерпретации невербального текста одной культуры носителями другой и переводимости. Отдельные жестовые формы, встречающиеся в разных культурах, хотя и не тождественны по значению, могут иметь в них семантически сходные интерпретации. Например, **пожать плечами**, насколько можно судить по существующим описаниям жестовых языков, значит (воспользуюсь здесь ярлыками) 'безразличие', 'недоумение', 'пренебрежение', 'презрение', 'незнание' и, возможно, еще многое другое, но этой формой никогда не кодируются "положительные" смыслы, такие как 'удовольствие', 'радость' или 'воодушевление', – диапазон различных семантических интерпретаций данной формы достаточно ограничен. Точно так же жест **зажать нос** свидетельствует о негативном ощущении типа 'плохо пахнет, воняет (и подобных реакциях)', а отношение 'почтения' во всех или в подавляющем большинстве культур может передаваться склоненными головой или корпусом. Однако из этих примеров универсальности или, если угодно, тесной близости жестовых форм никак не следует, что не бывает ситуаций, когда внешне сходные формы имеют весьма далекие друг от друга смысловые интерпретации. В диссертации указываются многие ранее не описанные случаи межкультурной синонимии и омонимии жестов, а также случаи различного речевого сопровождения одной жестовой формы. В конце §14 делается важный для теории коммуникации и невербальной типологии вывод о существовании нескольких типов возможных отклонений от правильного понимания кинетического текста при переходе от одной культуры к другой. Каждый из выделенных типов снабжен прокомментированными примерами коммуникативных неудач при невербальном общении.

Обращение в диссертации к проблеме соотношения эмоций с выражениями лица и мимическими жестами (§15) кажется необходимым и вполне закономерным. По лицам людей в ничуть не меньшей степени, чем по их словам, можно судить об их актуальном психологическом, в частности эмоциональном, состоянии, например, нервничают ли они, удивлены чем-то, сердятся или радуются. Телесные проявления эмоций мы наблюдаем, главным образом, в мускульной активности отдельных частей лица человека, рук и ног, в позах, которые человек принимает, в модуляциях голоса и изменении тона и др. Эмоции могут проявляться и в жестах, доступных внешнему наблюдению. Когда человек неистовствует или беснуется, он обычно ругается, крутит головой из стороны в сторону, бежит, сжав кулаки, а когда радуется, ликует или торжествует, то улыбается,

смеется, танцует, поет, хочет поделиться своей радостью с другими и т. п. Идея активности эмоциональных проявлений и ее воплощение, как вербальное, так и невербальное, не являются, однако, универсальными: бурные проявления эмоций несвойственны в целом, например, англосаксонской культуре; чужды они и культуре японской.

Традиционная точка зрения на соотношение чувств и их невербальных проявлений общеизвестна: выражение чувства является не чем иным, как манифестацией внутреннего состояния человека; в этих случаях, по выражению психологов, происходит экстериоризация чувства. По-видимому, первым, кто высказал эту точку зрения, был Ч. Дарвин; она изложена в его знаменитой книге "Выражение эмоций у человека и животного", вышедшей впервые в свет в 1872-м году. Между тем приблизительно в то же время другой ученый, крупнейший американский философ и психолог У. Джеймс высказал свой оригинальный взгляд на эмоции, описывая отношение между чувством и его проявлением как бы наоборот. В современной физиологии и кинесике есть сторонники как той, так и другой точек зрения. Ведь лицо в этом смысле действительно амбивалентно: оно, по всей видимости, и само выражает внутреннее состояние и вызывает изменения в наших чувствах. Впрочем, для нас более интересны причины расхождений между этими подходами.

Во-первых, подход Ч. Дарвина был, если так можно выразиться, монологическим, а подход У. Джеймса – диалогическим. Ч. Дарвин полагал, что эмоции вызываются факторами-стимулами, которые человек воспринял извне, обработал, квалифицировал и оценил, а выражение эмоций на лице является процессом, идущим в противоположном направлении, изнутри человека, причем этот процесс по своей биологической природе чисто адаптивный и не направлен на другого. Его оппонент, напротив, считал, что воздействия извне сразу же приводят к телесным изменениям у человека, к каковым он относил жесты и чисто физиологические реакции, такие как пот, бледность, покраснение, кожные выделения и высыпания и пр. И только жесты и реакции уже могут приводить к внутренним физиологическим изменениям (прежде всего в сосудистой системе) и чувствам. Внешние состояния человеческого тела, по мнению ученого, являются не результатом, а подлинными источниками внутренних психологических состояний-чувств: именно под их действием у человека возникают внутренние субъективные ощущения. Современные исследователи эмоций считают, что У. Джеймс был одновременно и прав, оспаривая безоговорочную истинность теории Ч. Дарвина, и не прав, видя в любых внешних изменениях тела первопричину и стимул всех внутренних чувств.

Во-вторых, совершенно разными были цели и исследовательские задачи у этих ученых. Ч. Дарвина серьезно интересовали не только вопросы о биологической первопричине эмоции, о происхождении экспрессивных движений и их относительном распределении у высших и низших организмов, но и проблема универсальности эмоциональных выражений. Это понятно: ведь если бы Ч. Дарвину удалось показать, что выражения эмоций у всех народов совпадают, то была бы доказана истинность его биолого-адаптивной теории эмоций. Между тем нетрудно убедиться в том, что эмоциональные выражения в общем случае не универсальны, и вот всего лишь один широко известный в теории эмоций факт, подтверждающий это. Если степень общности в мимических выражениях счастья между американцами, аргентинцами и чилийцами очень высокая, по сделанным

подсчетам порядка 97%, то уже при выражении на лице страха процент несовпадений весьма велик и достигает 30%. В противоположность Ч. Дарвину, У. Джеймса больше интересовала психологическая природа процесса каузации эмоциональных состояний (пути, факторы, механизмы, средства и т. п.).

В диссертации приводятся малоизвестные факты, касающиеся развития этих теорий и их взаимоотношения друг с другом. Особое внимание в главе уделяется вопросу, **как происходит языковая и жестовая концептуализации некоторых эмоциональных состояний**. Обращение к физиологии позволяет дать естественное объяснение того, почему для **вербальной и невербальной концептуализации эмоциональных состояний решающее значение имеет их отношение к идее температуры** (см., например, употребление таких русских слов и выражений, как *кипятиться, кипятки, горячиться, горячая кровь, пылать, вспыльчивый, вспыхнуть*, с одной стороны, и *хладнокровный, остыть, охладись!, охладеть* или *прохладиться*, с другой, или английских слов и выражений *boiling mad, hothead, cool as a cucumber* 'хладнокровный, невозмутимый' и *cooling down*, имеющее в большом словаре Вебстера стилистическую словарную помету "спорт." и означающее 'приведение организма в нормальное (NB) состояние после соревнования или тренировки').

Установлено, что лицо активно вмешивается в процесс **охлаждения мозга и изменяет температуру поступающей в мозг крови**, а **охлаждение мозга оказывает заметное воздействие на субъективные ощущения человека**. Все мы знаем, что человек отвратительно себя чувствует, если у него заложен нос. Но почему – ведь, казалось бы, он может дышать ртом и кожей? Дело все в том, что носовое дыхание не только играет роль простого проводника воздуха, но и охлаждает мозг. В случае заложенного носа носовое дыхание (а тем самым и охлаждение мозга с его помощью) затруднено, между тем постоянная нейрохимическая активность мозга приводит к выделению большого количества теплоты и повышению температуры, вследствие чего мозг нуждается в постоянном охлаждении. Отсутствие такового всегда ощущается человеком как дискомфорт; напротив, охлаждение мозга в норме воспринимается человеком как нечто приятное и комфортное – результат, который был подтвержден физиологами и психологами целой серией оригинальных экспериментов.

Улыбка, как и, например, сморкание или чихание, способствует регуляторному процессу и сообщает нам информацию о внутреннем состоянии улыбающегося, однако сморкание и чихание, в отличие от обычной улыбки, – это физиологические движения, а не жесты. Но есть ли что-нибудь общее между жестами, такими, как **улыбка** (строго говоря, это даже не один жест, а имя класса жестов), **почесывать голову** или **потирать руки**, с одной стороны, и такими чисто физиологическими движениями, как жевание жевательной резинки, кусание ногтей, обгрызание спичек, карандашей или ручек, переворачивание подушки или чихание, с другой? Ответ на этот вопрос Р. Зайонца, который мы поставили еще в разделе "Введение", сегодня, после серии важнейших открытий в нейрофизиологии, кажется простым и естественным: все эти жесты и движения охлаждают мозг, более энергично подводя охлажденную кровь к кавернозной полости мозга и уводя оттуда кровь более теплую (ср. *сохраняй хладнокровие* или *голова должна быть холодной*). Возьмем, например, сосание маленькими детьми пальца – мощное действие, которому

ребенка никто специально не учит и которое считается "вредной привычкой", потому что от нее впоследствии бывает трудно избавиться. В действительности, однако, сосание пальца — это абсолютно естественное физиологическое движение, поскольку при нем осуществляется глубокое носовое дыхание, охлаждающее мозг. Детский мозг дает телу чуть ли не 80% всего тепла, и выходит, что у ребенка есть не одна, как считалось ранее, а по меньшей мере две, с физиологической точки зрения равно серьезные, причины для сосания пальцев. Во-первых (и это была та самая единственная ранее известная причина), сосание пальца является сохранившимся с младенческих лет рефлексом, который возник при всасывании молока из материнской груди. Этот рефлекс, как утверждает современная физиология, безусловный, являющийся следствием естественных физических напряжений. Во-вторых, сосание приводит к охлаждению мозга, а это, как мы уже знаем, путь к удовольствию и наслаждению.

Человек краснеет оттого, что кровь течет к лицу (отсюда русский глагол *краснеть* в одном из значений следует толковать не как 'кожа на лице человека становится красной', что делают многие толковые словари, а как 'кожа на лице человека становится красной в результате того, что кровь приливает к лицу'), а лицо в большой степени находится под контролем других людей. Поэтому у тех людей, которые больше находятся под наблюдением или надзором других, лица краснеют чаще. Например, дети и женщины в среднем краснеют больше мужчин; ср. в этой связи нормальное русское сочетание *покраснел, как девица* и несколько странное, нарушающее стереотипное представление *?покраснел, как юноша*.

Оценки эмоционального поведения людей, стоящие за словами одной температурной шкалы, бывают разные. За "крайними точками шкалы" — словами и метафорическими выражениями, относящимися к этой сфере, стоят отрицательные оценки: не следует *горячиться*, плохо быть и *вспыльчивым*, и *холодным, как лед*, трудно общаться с человеком, который постоянно *кипятится*. С обозначениями других точек и областей шкалы ситуация сложнее. Так, прилагательное *прохладный* в температурном значении применительно к человеку не означает, как иногда утверждают, 'охлаждающий до приятного состояния': оценка состояния как приятного возникает при особом употреблении этого слова и не является фактом семантики. Если температура окружающей среды до момента речи была значительно выше нормы, то ослабление жары или соприкосновение тела с более холодным всегда оценивается как приятное. Иными словами, оценка связана с движением по шкале от горячего к холодному. Поэтому едва ли может оцениваться как хороший *прохладный день*, если на улице вообще холодно. *Прохладный ветер* исключительно приятен после изнуряющего духотой дня, но не холодной весной или осенью. Ощущение от прохладной печки, на которой лежат во время жары (или если в жару к ней прислониться), очень приятное, однако холодное или прохладное состояние печки, используемой в своей обычной функции как нагревательный аппарат, оценивается, разумеется, негативно. Мы часто просим *разгоряченного* (физически и психологически) или *погорячившегося* (только психологическая температура) человека *остыть* или *охладиться* (см., например, нормальное высказывание *Пойди остынь!* и аномальное **Пойди погорячись!*), а *прохлаждаться* означает не просто 'ничего не делать', а еще и 'получать удовольствие от такого

времяпровождения' – это, так сказать, *dolce far niente* итал. 'приятное ничегонеделание' (другое дело, что многими людьми те представители общества, которые долго как бы прохлаждаются за их счет и не занимаются полезным трудом, обычно осуждаются).

Интенсификация выражения чувств и положительных отношений с помощью жестов может быть также передана исходно температурными прилагательными со значением высокой интенсивности. Такие жесты, как **горячие аплодисменты** или **объятия**, возникают как отклик или как сознательная активная реакция на некоторые в высшей степени положительные события – радость от соприкосновения с прекрасным или, соответственно, радость от встречи с приятным человеком. **Объятие** и, например, такой жест, как **поцелуй в щеку**, бывают и выражением любви, но не чувственной, так как тогда бы мы скорее говорили о *жарких объятиях* или *поцелуях*, ср. нормальное *горячее приветствие*, но плохо **жаркое приветствие*). *Жаркая любовь* – это не то же, что *горячая любовь*, а *жаркие объятия*, как и *пылкие* или в еще большей степени *знойные*, – это слова из сферы плотской, чувственно-интимной, в то время как *жаркие слова* – это выразители страсти.

Как нам представляется, все эти языковые температурные концептуализации, оценки и метафоры, которые рассматриваются в работе, становятся более понятными и получают адекватное объяснение, если выйти за пределы лингвистики и обратиться к физиологии чувств и эмоциональных проявлений.

Наряду с **языковой концептуализацией эмоциональных состояний человека**, значительное место в диссертации отводится их **невербальной концептуализации**, которая в большей степени связана с лицом, чем с другими частями тела. Лицо и многие связанные с ним мимические жесты, такие как **поднимать брови**, **надуть губы**, **закусить губу**, **наморщить лоб**, **нахмуриться**, **улыбка**, **поцелуй** и некоторые другие, не только соотносятся с конкретными эмоциями, но и выполняют определенные коммуникативные и социальные функции. Лицо и лицевые выражения имеют в основном те же функции, что и жесты рук и ног. Но прежде всего лицо – это место симптоматического выражения чувств, внутреннего состояния человека и межличностных отношений, то есть одна из главных функций лица – **эмотивная**. Остальные функции лица – это **коммуникативная**, то есть передача адресату определенной информации и отражение межличностных отношений, и **регулятивная**, в частности контактоустанавливающая, функция.

Мимика складывается из дискретных лицевых выражений, и физиологическая дискретность мимики вполне соответствует языковой. Симптом как таковой не является чем-то цельным, он как бы складывается из отдельных частей, и языковые описания симптомов тоже являются соединением его отдельных характеристик, описывающих симптом с разных сторон. Языковой портрет человека чувствующего – это обычно вербальное перечисление отдельных манифестаций его чувств, ср. *Она была явно чем-то взволнована: глаза бегали, щеки пылали, руки некуда было деть* или *По глазам его видно было, что он очень неглуп и чрезвычайно хитер...* Этот портрет, сделанный Ф. М. Достоевским, кажется ему самому неполным, и он продолжает: *но что-то высокомерно-насмешливое и жестокое было в лице его и улыбке*. Языковое описание эмоций и симптоматических жестов часто неточно и неопределенно из-за диффузности значений отдельных слов, многозначности большинства жестовых,

в особенности лицевых, проявлений, размытости контекста и ряда других причин. Однако, несмотря на то, что языковое выражение, например *смеющиеся глаза*, способно обозначать в контексте очень многое, множественность его контекстных интерпретаций и вытекающая отсюда неопределенность стоящей за ним эмоции, еще не означают, что русский жест **смех** и русское слово *смех* не имеют постоянного значения, подлежащего лексикографированию. Точно так же жест и соответствующая ему языковая номинация **почесать в затылке**, хотя и могут получить в контексте не одну интерпретацию – достаточно вспомнить Селифана из гоголевских "Мертвых Душ", который, узнав о внезапном отъезде Чичикова из города NN, <...> *долго почесывал у себя рукою в затылке. Что означало это почесывание? и что вообще оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась задуманная назавтра сходка со своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком... Или жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне... Бог весть, не угадаешь. Многое разное значит у русского человека почесывание в затылке*, – имеют фиксированное значение (описание жеста **почесать в затылке** дано в гл. 5).

В диссертации вводится понятие "**правило лицевого выражения**" и демонстрируются его теоретическая уместность и практическая полезность. Правила лицевых выражений, образующие важный подкласс **правил <невербального> выражения эмоций**, определяют, как должно меняться выражение лица в зависимости от тех или иных контекстных условий и от тех или иных значений кинетических переменных. Делаются выводы о том, что (а) **правила выражения эмоций**, включая правила лицевых выражений, в своей основе являются **культурно- и социально-специфичными** и что (б) **само действие этих правил в разных культурах может быть разным**: они могут отражать (1) интенсификацию, или усиление, испытываемого человеком чувства; (2) деинтенсификацию (ослабление) чувства; (3) контекстный запрет на выражение определенной эмоции; (4) маскировку одной эмоции другой.

Заканчивается данный раздел примерами семантического описания симптоматических мимических жестов, таких как **нахмурить брови (нахмуриться)**, **сжатые губы**, **широко раскрытые глаза**. Оно основывается на следующих выдвигаемых и защищаемых положениях: (а) для анализа семантического содержания эмоций и выражений лица, как, собственно, и любой другой предметной области, нельзя использовать семантические ярлыки типа "жест радости" или "удивление" – ведь тогда все жесты радости или удивления будут представлены как синонимичные, чего нет на самом деле. Описание смысла должно быть выполнено на семантическом метаязыке пропозиционального характера; (б) чтобы правильно определить смысл симптоматического мимического жеста, надо установить все эмоции, в выражении которых он участвует, и выявить смысловой инвариант; (в) не сами эмоции, а лишь некоторые их отдельные компоненты закреплены за определенными кинемами. Поэтому толковать следует не комплексное, "холистическое" выражение лица, а отдельные жестовые компоненты, из которых данное комплексное выражение складывается; (г) мимический жест следует соотносить с семантически близкими жестами, описывая его в составе семантического лексикографического типа (в терминологии Ю. Д. Апресяна), или семантической семьи (в терминологии Берлинской семиотической школы). Так, необходимо установить смысловую

корреляцию между **поднятыми бровями** и **расширенными глазами**, **нахмуренными бровями** и **сжатыми губами**, **улыбкой** и **смехом** и под.; (д) в толкованиях, в соответствии с давно сформулированными и многократно проверенными на практике общетеоретическими принципами и требованиями к языку толкований, следует использовать по возможности наиболее простые концептуальные структуры и язык, подвергая жестовую единицу смысловой декомпозиции. Такие структуры и язык составляют реальную базу для компаративного анализа самих психологических состояний и их жестовых и языковых манифестаций; (е) синтез формы и значения целостного выражения лица осуществляется путем применения правил комбинаторики и контекстной реализации.

Последний §16 главы 3 посвящен **позам**. Под позами мы понимаем осознанные или неосознанные общие положения тела, более статичные, чем собственно жесты, это соотносительные положения различных частей тела. Поза всегда наличествует в любой ситуации – ведь она представляет собой биологически обусловленный способ размещения тела в пространстве. Однако в дальнейшем нас интересуют позы исключительно как **жестовые конвенциональные знаки**, а не как любые возможные положения тела.

В контексте человеческой деятельности и, прежде всего, в акте общения тело из собственно природной материи превращается в носителя атрибутов человеческой культуры и общественных норм. Можно сказать, что культура **во-площается** в теле как в некоем пространстве. Существование человека в физическом мире в значительной степени обусловлено тем вниманием, которое человек уделяет телу, и разнообразными по своему характеру телесными действиями, которые он выполняет.

В естественном языке, как хорошо известно, находят отражение нормативные суждения о телесном поведении человека, о функциях и деятельности тела, высказывания об ориентации и этической мотивации физических действий, выполненных в интерактивном режиме, особые пропозициональные установки, обуславливающие нормальное (например, в этически выдержанном тоне) протекание диалога, разнообразные речеповеденческие прескрипции, спрятанные в высказываниях деонтической модальности, и др. Гораздо менее очевидным является то, что **разноплановые оценки телодвижений и поз могут в акте коммуникации выражаться также жестовыми знаками**. Так, мы можем жестом дать человеку понять, что некрасиво сидеть в присутствии стоящего рядом человека, старшего по возрасту, и незаметно показать ему рукой, что он должен подняться. Иногда мы применяем прием подражания, принимая ту же (как мы считаем, неподобающую в данной ситуации) позу, что и партнер, и это приводит к тому, что адресат начинает осознавать неуместность своей позы и меняет ее.

В каждой культуре существуют стереотипные **позы для разных возрастов и полов**, позы, отображающие **физическое состояние субъекта**, например болезнь. Так, **сгорбленная поза человека** во многих культурах является признаком старости или физического нездоровья, а сидячая поза осмысливается как поза статичная, неподвижная или малоподвижная (см. прилагательные *непоседливый* и *усидчивый*, существительное *сиделка*, выражение *сидеть много лет на одном месте*).

Этикетные нормы в отношении поз, как и других типов жестов, различаются по культурам и народам. Например, в европейской и американской культурах в знак уважения к партнеру (в особенности к старшему по возрасту или социальному положению) человек обычно встает перед ним, а два индейца витуто разговаривают только сидя и никогда не стоя; при этом смотрят они не друг на друга, как, например, европейцы, а в сторону на посторонние объекты. В знак приветствия мужчины-европейцы часто снимают шляпы и делают легкий поклон, а у некоторых народов Полинезии в этот момент, наоборот, голова мужчины должна быть прикрыта, и корпус выпрямлен.

Одной из смысловых доминант языка поз являются индивидуальные и социальные взаимоотношения. Особенно много говорят нам позы о смысловом содержании и структуре актуального процесса коммуникативного взаимодействия и о психологическом состоянии жестикулирующего. В диссертации рассматриваются различные функции поз в акте коммуникации. Показано, что положения тела выполняют не только дискурсивные функции, влияя на ход разговора или отмечая его отдельные существенные части; они являются также невербальными показателями социальных ситуаций и отдельных социальных коллективов. Например, позы **вытянуться в струнку** и **отдание чести** (не в ситуации игры) в русской культуре типичны при встрече военных. Собрание, встреча друзей или знакомых, обслуживание в ресторане, заседание в зале суда, церковное богослужение и тысячи других событий маркируются особыми позами и их комбинациями. Позой, как и всяким этикетным жестом, отмечается вхождение человека в определенный коллектив. Можно говорить о типичных позах младших школьников (см., например, "**сложить руки перед собой на парте**"; в советской педагогике считалось, что эта – явно несвободная – поза помогает выработке у младших школьников навыка усидчивости и концентрации внимания), о позах военных, спортсменов и пр. По наблюдениям целого ряда исследователей сходство или тождество поз у собеседников в актуальной коммуникации может свидетельствовать как о близости их взглядов или точек зрения на обсуждаемую тему, так и – в случае вхождения собеседников в одну социальную группу – о сходстве исполняемых ими в этой группе ролей или близости статусов. На что внимания обращалось гораздо меньше, так это на то, что сами позы или нетождественность поз могут, наоборот, служить очевидным показателем различий в социальных статусах или отношений к данному человеку или данному вопросу. Например, **восседать** – это не то же, что **сидеть**; ср. *В самой его [кабинета – Г. К.] глубине, на дистанции, достаточной, чтобы всяк сюда входящий почувствовал разницу между собой и государством в лице очередного хозяина, располагалось нечто похожее на поле для настольного тенниса, за которым восседал (именно восседал, а не сидел) как бы в некой туманной дали вождь области Василий Никифорович Фирсов (В. Максимов).* В русской культуре люди, имеющие более высокий статус, в разговоре с людьми более низкого статуса иногда принимают так называемые "расслабленные позы", каковые с этической точки зрения следует оценить отрицательно.

Жесты маркируют вещи, оцениваемые этически, а потому для определения совокупности этических норм телесного поведения людей мы предлагаем использовать термин *телесная этика* и подробно анализируем один из этических концептов – социальную несправедливость, или

социальное неравенство. В диссертации показано, как разные позы в разных культурах его по-разному отражают.

Если поза отклоняется от нормы, то, как и другие аномалии, именно этот факт обычно получает в тексте соответствующую вербальную квалификацию. Одни позы оцениваются наблюдателем как *скованные*, другие – как *свободные, расслабленные, раскованные*, третьи – как *чересчур свободные* и т. д., вплоть до *развязных*; такая манера держаться получила в русском языке характеристику *вульгарной*. Каждая из указанных поз в отдельно взятой культуре имеет свое стереотипное воплощение и свои смыслы. В частности, *вульгарная поза* в русской культуре несет в себе явно выраженные сексуальные коннотации.

Этика позы неразрывно связана с этикетом, а потому этические оценки распространяются и на этикетные манеры. Составляются даже особые кодексы поведения человека в обществе, касающиеся положений тел, их квалификации и оценки. Один простой пример. Если в комнату входит гостья, то по нормам европейской культуры (но не, например, мусульманской) сидящему мужчине, если тот не очень стар, болен и т. п., полагается встать, чтобы поприветствовать вошедшую, оказав ей уважение, познакомиться с ней (быть ей представленным) или, наконец, просто уступить ей место. Такое поведение мужчин, однако, многими женщинами-феминистками на Западе рассматривается как проявление неравенства полов. Существуют особые правила телесного этикетного поведения детей разных возрастов в разговоре с взрослыми, включающие в себя составной частью нормативные позы. Детские позы не соматогенные (врожденные); в каждой культуре и каждом этносе детей полагается учить специально, как вести себя в разговорах с взрослыми, и здесь необходимо учитывать связь между позами, с одной стороны, и возрастом и стадиями формирования личности, с другой. Маленьким детям Европы и Америки присущи расслабленные, свободные позы. В то же время в среде взрослых расслабленные позы могут приниматься людьми с более высоким статусом в диалоге с человеком того же или более низкого статуса; напротив, принятие подобных поз человеком, занимающим подчиненное положение, перед более высоко стоящим считается нарушением норм телесной этики. В современных европейских и американской культурах, в отличие, например, от китайской или японской, **глубокий поклон** расценивается как явный знак униженности или раболепства жестикулирующего перед адресатом, в общем, как нечто сугубо отрицательное. Японцы считают **поклон** исключительно своим, характеристическим для их культуры жестом, хотя **поклон** встречается и в Корее, и в Индии, не говоря уже о Китае. Так, китайская поза **kou-tou** 'глубокий поклон' является высшим выражением неравенства, поскольку, как считают сами китайцы, сгибаясь низко в пояснице, вы делаете себя не только ниже физически, но и социально. Значение этой позы можно сформулировать примерно следующим образом: 'я считаю себя много ниже вас и готов оказывать вам разные услуги'. Между тем, в Японии **глубокий поклон** является не столько знаком униженности и раболепства, сколько уважения к другому и смирения; это знак неравенства-почета, а не неравенства-несправедливой иерархии. Если, по утверждению историков, этнографов и просто путешественников не поклониться низко в Китае рассматривалось как очень дерзкое, но вместе с тем всецело индивидуальное

поведение, не нарушающее общественных норм, то в Японии не поклониться так означало прежде всего отход от норм общественного поведения и оценивалось не как дерзкое поведение, а как грубое нарушение этики, проявляющееся в неучтивости и невежливости.

При анализе позы необходимо учитывать и то, что в разных культурах сходные положения тела могут оцениваться по параметрам, относящимся к разным шкалам. Например, в Японии позы получают оценку прежде всего на статусной шкале, а в России главными являются этическая (и этикетная) шкала 'прилично' – 'неприлично' и эстетические 'красиво' – 'некрасиво', 'приятно' – 'неприятно'. Ср. высказывания типа *Красивая осанка; Развязная походка; Неприятно смотреть, как ты ходишь; Что ты развалился?; Нехорошо стоять руки в карманах* или *Эта поза выглядит не очень-то эстетично*. Вербально выраженные оценки невербального поведения типа *неприлично* по нашим наблюдениям соотносятся в разных культурах, главным образом, с **этикетным поведением** или **половыми различиями и сексуальной сферой**.

В главе 4 представлены **концептуальный, лингвистический и семиотический анализ двух основных параметров языковой и параязыковой систем – голоса и тона**. Голос и тон как лингвистические и паралингвистические концепты можно с полным основанием отнести к группе важнейших факторов, организующих речевую коммуникацию. Они во многом определяют условия и характер протекания коммуникации, успешность в достижении цели, физическое и психическое состояние участников общения и стилистику их поведения в диалоге.

Основной материал главы составили **способы языкового представления голосовых и тональных характеристик** в русских **письменных** текстах. Раскрываются существующие противопоставления в системах голосов и тонов, выявляются структуры многозначности и приводятся значения слов *голос* и *тон*, а также ряда других лексических единиц русского языка, семантически с ними связанных. Определяются функции голоса и тона в отдельных типах фраз, речевых актах и речевой деятельности человека в целом. Особое внимание уделяется эмоциональным и оценочным компонентам в составе речевых актов различных типов и способам отображения этих компонентов голосовыми и тональными паралингвистическими средствами.

В главе проведено описание семантики и сочетаемости слов *голос* и *тон*. Для слова *голос* выделено 14 значений, а для слова *тон* – 11 значений. Показано, что многие производные значения рассматриваемых слов связаны с соответствующими исходными значениями отношением метонимии. Толкуются в работе также некоторые фразеологические сочетания со словами *голос* и *тон* и ряд слов из того же семантического поля (*в один голос, с голоса, немота, мелодия, попасть в тон, задавать тон* и др.).

По человеческому голосу мы распознаем человека в толпе или на большом расстоянии, когда не можем его увидеть или разглядеть, "вычисляем" какие-то черты его внешнего облика, описываем физическое и актуальное психическое состояние и даем незнакомому или малознакомому человеку характеристику или оценку (хотя, разумеется, опознавая человека по голосу, можно и ошибиться). *Глухой* или *тусклый тембр голоса* в нашем стереотипном представлении скорее отвечают характеру

мрачному, угрюмому, а *резкий, скрипучий голос* ассоциируются с недоброжелательным, сварливым или попросту с неприятным человеком. *Голос слабый, робкий, сдавленный* говорит о личности больной или нерешительной, робкой, неуверенной в себе; ср. *Из глубины мансарды слышался кашель; больная женщина с добрым грустным, изможденным лицом, тяжело поднявшись на постели, спрашивала слабым голосом: "Кто тут?"* (М. Алданов); напротив, *сильный, сочный и красивый* – это голос человека с твердым характером, физически здорового, красивого или внешне интересного, голос человека благородного. Случаи рассогласования возникающего мысленного образа человека со стереотипным голосом обычно всегда эксплицитно отмечаются в тексте; ср. *Редактор был человек тщедушного сложения, с тряпичными какими-то движениями, но зычным раскатистым голосом, никак не вязавшимся с его обликом* (Я. Кумок).

О прекрасном голосе говорят (по большей части, правда, не в "речевом", а в "музыкальном" значении) как о Даре свыше; ср. *Ей (ему) дарован (или: дан) голос*. Прекрасный голос называют *божественным, ангельским, неземным или чудесным*. Люди владеют голосом как инструментом, но не утилитарным, не так, как, скажем, пилой или малярной кистью, а как инструментом, предназначенным **сугубо для творчества**, – музыкального (пение), поэтического (стиль) или речевого (говорение). Им не **работают*, но *владеют, пользуются*. Голосовая игра, падения и повышения тона, внезапно наступающие паузы, изменение силы и тембра голоса постоянно сопровождают речь. В диссертации показано, что **изменение голоса**, не вызванное болезнью или возрастом, обычно маркирует **изменение психического состояния** или **общественного статуса лица**, причем это характерно как для обычных способов коммуникации, так и для разных форм русской народной культуры.

В своем основном речевом значении слово *тон* – это **способ передачи речи голосом, речевая и параречевая манеры поведения**. Сопоставляя функции голоса и тона в акте коммуникации, мы приходим к выводу, что основное назначение тона – **согласовывать межличностные и социальные отношения между участниками данного акта общения**, а потому тон является этикетно нормативным, контролируемым и регламентированным. Голос же, благодаря, прежде всего, своим природным физиологическим свойствам, является выразителем эмоций и в диалоге говорящим часто не контролируется.

Голосовые признаки и тон речи уточняют, а порой и однозначно задают тот или иной конкретный тип речевого акта в коммуникации. Причитание, нытье, клятва, уверение, наставление, поучение и др. – каждый из этих речевых актов связан с определенным видом голоса и определенными жестами. Описывая инструментарий голосовой деятельности в разного типа речевых актах, способы его применения и механизмы функционирования, мы обратились к русским письменным текстам, где зафиксирована сочетаемость слов *голос* и *тон*. Оказалось, что слово *голос* чаще всего можно встретить в комбинации с прилагательными, обозначающими различные признаки и свойства голосов. Проведенное в диссертации исследование атрибутивной сочетаемости слова *голос* позволило выделить несколько важных в коммуникативном отношении семантических групп прилагательных, а именно (а) слова, фиксирующие физические свойства звучащего голоса: высоту

(ср. *высокий, низкий, писклявый голос* и пр.), громкость и силу (*громкий, сильный, слабый, тихий голос* и др.), тембр и четкость звучания (*резкий, звонкий, глухой, хриплый, четкий голос* и т. п.), другие физические характеристики, например, скорость производства звуков речи или различные голосовые вибрации и модуляции; ср. *мягкий, протяжный, тягучий, щебечущий, прерывистый голос* и т. п.; (б) прилагательные со значением оценки (обычно эстетической) качеств голоса человека или животного: *красивый, некрасивый, приятный, тусклый, сочный голос*; (в) обозначающие пол или возраст человека – обладателя голоса (значение 'принадлежащий') или определенный тип голоса (сопоставительное значение 'как у ...'), ср. *детский, взрослый, молодой, старческий, девичий, женский, бабий, мужской голос*; (г) выражающие физические и психические состояния говорящего; к ним примыкают обозначения речевого сопровождения неречевыми голосовыми звуками, см. *усталый, измученный, больной, умирающий, сонный, грустный, радостный* и др. *голоса*. Наконец, это (д) прилагательные, передающие различные отношения между говорящим и слушающим (например, пространственное положение человека по отношению к адресату или наблюдателю – *далекий, близкий, отдаленный голос*; степень родства или знакомства – *отцовский, знакомый, чужой голос*, эмоциональное отношение к адресату – *любимый, родной голос*). Согласование семантических элементов отражается на сочетаемости слов в предложении, причем как существительных с прилагательными, так и речевых глаголов с наречиями: можно по-русски сказать *дружеский призыв* или *возглас*, но плохо **дружеский окрик*; *извиняющимся голосом* говорят негромко, а *приказным* – громко. Допустимо сочетание *воркующе звать* и неправильно **воркующе гаркнуть, кричать*; можно *сладко говорить, щебетать*, но не **сладко орать*. Во всех приводимых примерах именно голосовые признаки обеспечивают нормальное синтаксическое соединение слов во фразе или препятствуют таковому.

Значительное место в главе отведено **семантическим, коммуникативным и прагматическим функциям голоса и тона в тексте**. Из всех видов текстов семантическая и коммуникативная значимость голоса наиболее велики **в неконтактных диалогах**. Особо рассматривается **ритуальное общение человека с Богом** и показывается, что обращение к Нему людей в разного типа речевых актах осуществляется разными голосами. В мольбах, воплях, стенаниях, рыданиях голос человека более громкий, чем в обычной спокойной речи, тогда как в частной молитве общение с Богом происходит тихим голосом. Внутренняя антиномия речевого акта молитвы, совмещающего в себе два противоположных начала, – эмоциональное переживание, материализованное в столах и криках о боли, горе и унижениях, и чувственное и рациональное познание Бога, готовность служить Ему – находит отражение в языке. Показано, что **в контактных диалогах** важную роль играют **повышение и понижение голоса и тона**, а также **тихие и громкие голоса**, которые стали в диссертации объектом подробного концептуального и языкового анализа. Отмечается несимметричность причин повышения и понижения голоса и тона. Как в диалоге человека с Всевышним, так и в контактных беседах обыденной, повседневной жизни *тихий голос* – это прежде всего выражение интимности, это *задушевная беседа*, разговор двух любящих сердец. Тихий голос близок к шепоту, к шепотной речи; ср. *Они шептались в углу* – вовсе не обязательно

'говорили шепотом', но наверняка 'говорили тихим голосом'. Этот голос сродни голосу задушевному, мягкому, теплему или лирическому, которые тоже предполагают интимное обращение к адресату; ср. *Стихи создаются для двоих, если это стихи, а не рифмованные лозунги* (А. Найман). Лирический голос поэта, голос на расстоянии, подобен голосу молящегося. Не случайно З. Гиппиус писала: "Все стихи всех действительных поэтов – молитва". Тихий голос – это голос веры, тайны и сговора, тихими "мистерическими" голосами поют ангелы, тихо секретничают между собой люди.

Тихий голос в контактном диалоге – это голос почтения и обожания, дружеского совета и увещевания. Им произносятся слова смирения и уважения, прошения и покаяния, в тихий голос вслушиваются, им утешают. Однако и *громкий голос* свойственен определенному виду русских бытовых текстов и речевых актов, взять хотя бы воинские команды, плачи, причитания, воззвания или призывы. Громкий голос, если оставить в стороне его чисто физиологические особенности, является голосом резко обозначенной иерархии, голосом властным и приказным, то есть присущим начальству и власти. Это голос недовольства и раздражения, окрика и призыва, и хотя "в мире нет ничего такого, из-за чего стоило бы громко разговаривать" (Ф. Искандер), мы постоянно сталкиваемся как в реальной жизни, так и в текстах с *громовыми, зычными, кричащими, властными, требовательными, командирскими голосами*. Такие голоса *гремят, громыхают и орут*. Причинами повышения голоса, которое обычно нарушает этикетные нормы общения, служат эмоциональные факторы: гнев, злость, негодование, раздражение, возмущение и прочие сильные чувства. В то же время говорение на пониженных тонах больше связано с прагматикой общения, с социальными и интерперсональными факторами. Согласование силы голоса с эмоциональным состоянием говорящего отражается в выборе конкретных языковых единиц, в частности союзов, при синтезе фразы по заданному смыслу. Допустимы предложения *Он кипятился, но говорил тихо* и *Он кипятился и говорил громко*, но плохо **Он кипятился, но говорил громко*.

Что касается **основных функций речевого тона**, то в главе отмечается, что тон регулирует актуальный диалог и связан с прагматикой речевой коммуникации: в частности, свойства тона детерминируют степень интимизации диалога. В правила ведения нормальной беседы должно быть включено требование о взаимной настройке речевых регистров участников диалога: собеседникам следует разговаривать в одинаково ровной тональности, *подстраиваясь под тон* другого. Чаще всего, однако, никто заранее не ставит себе такую задачу – настройка в ходе общения происходит подсознательно, а язык фиксирует лишь различные нарушения этого правила коммуникативного взаимодействия. Тон при этом не только управляет ходом разговора, настраивая собеседников на нужную волну, но и определяет его стилистику, а сменой тона может маркироваться переход из одной стилистики диалога в другую и ломка стилистических стереотипов. С помощью определенных характеристик тона передаются сведения о мере соответствия речевой манеры статусу коммуникантов и жанровых свойствах речи.

В главе описаны и охарактеризованы **противопоставления в системе голосов**. В частности, фиксируются значимые расхождения в концептуализации мужских и женских голосов, голосов детских и взрослых, индивидуальных и массовых. Особое внимание уделено разграничению видов

голоса как **источника речевых звуков** и видов голоса как **источника музыкальных звуков**. Музыкальные голоса – это постоянные характеристики человека, а языковые обозначения музыкальных голосов допускают метонимический перенос по модели "голос – носитель голоса", см. *Из-за ученических столов выползают дисканты и альты (А. Чехов)*. Музыкальные голоса, как и речевые, делятся по возрастному и половому признакам, однако они имеют в русском языке особые обозначения: детские музыкальные голоса – это *альт, дискант*; мужские взрослые голоса – *бас, баритон и тенор*; среди женских различаются *альт, контральто, сопрано, меццо-сопрано* и *колоратурное сопрано*. Речевые голоса характеризуются признаками, связанными с речью, с особенностями актуальной коммуникации или различными социальными факторами, а музыкальные голоса определяются свойствами, связанными с пением, например с качеством голоса или с его эстетическими оценочными характеристиками. Речевые голоса, в отличие от музыкальных, непостоянные; они меняются не только в зависимости от пола и возраста, физических и физиологических причин, но также от характера и содержания сообщаемой информации, от физического и психического состояния говорящего и его отношения к предмету обсуждения, к адресату сообщения или к высказываниям адресата, сделанным в ходе диалога. Из речевых голосов, в противоположность музыкальным, стандартные языковые обозначения имеют только низкие голоса; из высоких, пожалуй, лишь *фальцет* 'высокий мужской голос' способен характеризовать речь.

Весьма примечательным является и то, что **свойства различных голосов определяют стиль и фактуру текста**. Отдельные формальные показатели в пределах словоформ коррелируют с протяжным голосом, как в *Уходи-и!*, громкостью (*Молча-ать!*), скандированием и, тем самым, длительностью (*Снар-так! Снар-так!*, ср. неправильное предложение **Уйди-и! – сказала она быстро*). Едва уловимые, порой даже не получающие языковых обозначений модуляции голоса позволяют человеку сделать вывод, что его собеседник сегодня в хорошем настроении или, наоборот, не в духе, а неуместная "игра голосом" способна спровоцировать у адресата отрицательную реакцию, причем не на диктум, а на модус сообщения.

В диссертации ставится и обсуждается **проблема голосового выражения эмоций**. Специфика ее состоит в том, что эмоции концептуализуются в текстах и как содержимое голоса- 'вместилища' и как причина голосовых изменений. Голос относится к тем устройствам или органам, которые способны сами по себе передавать актуальное эмоциональное состояние человека, однако даже *искренний голос* не может служить гарантом истинности сказанного. Не свидетельствует голос и о подлинности физического или психического состояния, в котором в данный момент пребывает говорящий: если человек говорит с собеседником *ласковым, обиженным или спокойным, уверенным голосом*, то это не означает, что он испытывает к собеседнику эти чувства или находится в описываемом состоянии. Поэтому предлагается толковать сочетания типа *говорить сердитым голосом* с использованием элемента сравнения, то есть как 'говорить голосом, каким обычно говорят люди, когда сердятся за что-то на собеседника'. Между тем для некоторых прилагательных, обозначающих эмоции, а также прилагательных, обозначающих речевые акты, толкование строится иначе, по несопоставительному типу: *говорить взволнованным голосом* = 'будучи в данный момент

чем-то взволнованным, голосом выражать это состояние'. Показано, что смыслы 'находиться в некотором эмоциональном состоянии' и 'определенным способом выражать это состояние' в русском языке могут передаваться внешне очень похожими синтаксическими конструкциями, ср. *сказать что-л. в раздражении* и *сказать что-л. с раздражением*. Вторая конструкция, однако, свободно допускает присоединение группы *в голосе*, что для первой невозможно: *сказать что-л. с раздражением* означает 'находиться в состоянии раздражения и голосом выразить это состояние'.

Разговор о голосе и его характеристиках как важнейших частях аксиологического механизма речевой коммуникации ставит **вопросы об определении объектов и мотивов оценки**, а также **о способах и правилах семантического согласования некоторых голосовых признаков в тексте авторского комментария с элементами контекста**. В диссертации показано, что указание на голосовые признаки в тексте, вводящем прямую речь, оказывает существенное влияние на интерпретацию речевого акта в составе прямой речи.

Голос – это не только характеристика отдельного человека и его речи; **голос является основным средством устной массовой коммуникации**, в частности коммуникации между властью и народом. В диссертации раскрываются особенности двух видов социальных голосов и их функционирование в тоталитарном обществе, **голоса власти и голоса народа**, находящихся в постоянном диалоге. Утверждается, что различие этих голосов, особенно ярко проявляющееся именно в тоталитарном государстве, объясняется прежде всего выражением различных намерений, чувств и общественных устремлений. Использование понятия и слова *голос* при анализе языков массовой коммуникации и политических языков представляется нам вполне оправданным, поскольку общество не освобождено от законов, потребностей и требований, составляющих содержание, смысл и цель частной жизни отдельных его членов.

В заключении главы показано, что слова *голос*, *тон* и их аналоги – *звук*, *аккорд*, *нотка*, *палитра*, *мелодия*, *интонация* и т. п. – в сочетании с другими словами отражают **постоянно протекающий процесс эстетизации языка**, то есть включение языка в эстетическое (художественное) пространство. Делается вывод о решающей роли всех этих культурных слов в создании художественных и перлокутивных эффектов, в частности в изменении психологического состояния адресата.

В главе 5 "**Кинесика: лексикография русских жестов**" содержатся **основы теории жестовой лексикографии и лексикографическое описание русской жестовой эмблематической системы в ее соотношении с естественным языком**. Теоретические принципы, которые мы положили в основание кинесики и жестовой лексикографии, зарегистрированные факты употребления русских жестов и их интерпретация нашли свое отражение в построенном нами (в соавторстве) экспериментальном **Словаре русских <бытовых эмблематических> жестов**. Данный Словарь сочетает в себе свойства **учебного пособия**, отражающего все разнообразие репертуара эмблематического поведения, **справочника**, пользователь которого может найти в нем необходимую информацию об основных русских эмблемах и познакомиться с русским языком жестов вообще, и

компонента двух формальных моделей: модели сопоставительного анализа вербальной и невербальной семиотических систем и модели их взаимодействия в коммуникативном процессе.

Формат Словаря обеспечивает единообразное описание жестов и жестовых фразеологизмов, а потому отвечает двум **главным целям**, соответствующим замыслу разработчика: он представляет русский язык тела (в его существенной части) как семиотическую систему и соотносит единицы этого невербального языка с языковыми единицами – русскими **жестовыми фразеологизмами**.

Описание Словаря предваряется **аналитическим обзором** некоторых из немногочисленных существующих жестовых словарей: раскрываются их назначение, идеология, структура и содержание, отмечаются достоинства и недостатки. Обосновывается необходимость включения в жестовые словари той или иной информации, рассматривается проблема распределения информации по зонам в пределах словарной статьи для жестовых словарей разных типов. Вслед за этим суммированы, эксплицитно выписаны и подробно прокомментированы **основные отличительные особенности нашего Словаря русских жестов** – его лингвистическая и семиотическая ориентация; принадлежность к толковым объяснительным словарям; внутренняя и внешняя согласованность, под которыми понимаются, соответственно, согласованность словарного и грамматического описаний и координация лексикографического представлений жестов и естественно-языковых единиц; системность и полнота представления информации; отсутствие логических кругов; совмещение в Словаре ряда признаков лингвистических и культурно-энциклопедических словарей.

Семантическая основа Словаря является следствием тех теоретических положений, которых мы придерживаемся, а именно: (i) распознаваемые и стабильные формы знакового жестового поведения имеют свою семантику, а также стандартные модели и контексты правильного употребления. Интерпретация движения как жеста или как физиологической реакции часто входит в функцию адресата актуальной ситуации невербального общения. Эта интерпретация может оказаться неправильной, и в таких случаях возможен коммуникативный провал. Представим себе, например, что в разговоре один из собеседников зевнул. Другой может истолковать этот зевок двояким образом: либо как физиологическую реакцию, вызванную, скажем, хроническим недосыпанием партнера, либо как знак, говорящий о том, что зевнувшему разговор неинтересен или попросту скучен. Не вполне четкая граница между жестами и физиологическими движениями и их общая биологическая основа частично объясняют, почему многие движения в акте коммуникации могут сознательно **использоваться как жесты**. Так, желая обратить внимание собеседника на то, что у него болит зуб, говорящий может приложить руку к щеке, и в этом случае данное движение становится жестом. В нашем Словаре употребления такого рода не рассматриваются; в него включены лишь жесты устоявшиеся и прагматически освоенные; (ii) жесты обладают значениями того же типа, что и значения, кодируемые в естественном языке. Это априорно не очевидное предположение подтверждено словарным описанием ряда жестовых фразем; (iii) русские эмблемы являются преимущественно символическими знаками, хотя существует ограниченное число лексикографических типов иконических эмблем. Значения эмблем, включенных в словник Словаря, являются абстрактными и конвенциональными; их нужно заучивать наизусть и хранить в памяти;

(iv) семантическая природа эмблемы полностью раскрывается только в сопоставлении с семантически близкими жестами и языковыми выражениями.

В соответствие с назначением и общей ориентацией Словаря **русские эмблемы распределены по лексикографическим семантическим классам (типам)**. Члены каждого класса, будучи по определению семантически сходными (то есть имеющими нетривиальное общее смысловое содержание), получают в Словаре сходные описания. Например, все жесты прерывания контакта с собеседником, такие как **закрыть лицо руками, заткнуть уши, отшатнуться** и др., представлены более или менее единообразным образом; то же касается жестов приветствий или жестов удивления. Описание семантических типов дополнено **лексикографическим портретом** каждой из содержащихся в нем кинем. Основной зоной Словаря русских жестов служит зона толкования. Важной особенностью структуры толкования является наличие в ней **семантических примитивов жестового языка**, или **жестовых примитивов**, по которым легко определяется семантический тип жеста: для коммуникативных жестов таким элементом является 'показывает' (для дейктических – 'указывает'), а для симптоматических жестов – 'выражает'. В случае, если в реальных дефинициях жестовые примитивы отсутствуют (чаще всего они опускаются сознательно, чтобы не усложнять текст толкования), предполагается, что читатель сам сможет реконструировать их при помощи сравнительно простых операций над текстом толкования. В остальном структура толкования соответствует той, что принята для языковых единиц в интегральной модели языка. В главе приведены словарные статьи жестов или отдельные фрагменты статей, как взятые из нашего Словаря, так и впервые построенные в настоящей работе. Описываются жесты **хлопать дверью, чесать в затылке, пожимать руку, махнуть рукой, показать кукиш, покачать головой, облизнуться, подайте Христа ради, стоять руки в боки, поклон, сощурить глаза** и целый ряд других. Целиком представлен важный для русской культуры лексикографический тип жестов прерывания контакта: **закрыть глаза, закрыть лицо руками, заткнуть уши, отшатнуться, отпрянуть, отвернуться**.

Проведенное в этом же разделе диссертации **сопоставление семантических описаний жестов и жестовых фразеологизмов** позволяет заключить, что (1) толкование жеста всегда описывает актуальную ситуацию коммуникации и подчеркивает биологическую природу жеста как действия, а толкование фразеологизма обычно представляет не само конкретное действие, а его описание; (2) семантическое сопоставление невербальных и вербальных единиц с адапторами позволяет ближе подойти к пониманию природы важного процесса культурного означивания материального объекта. При постулируемом семантическом переходе от жеста к фразеологизму физическое действие часто превращается в социокультурное. При этом, как правило, происходит генерализация, или обобщение, события, и индивидуальное событие превращается в социальное. Этот тезис в диссертации доказывается сравнительным семантическим анализом жеста и фразеологизма с адаптором "дверь", а именно, **хлопнуть дверью**, а также анализом ряда других единиц; (3) реально осуществляемые физические действия "окультуриваются"; например, *хлопая дверью* (фразеологизм), человек совершает некоторые **демонстративные** действия, означающие прерывание социального контакта, а именно те, которые обычно осуществляются в данной культуре

людьми, прерывающими социальный контакт и желающими продемонстрировать это окружающим. Таким образом, при переходе от жеста к соответствующему семантическому деривату, жестовому фразеологизму, **происходит символическое превращение жеста как значимого физического действия тела в культурный и языковой элемент**. Именно во фразеологизме телесность как биологическая суть жеста семантически отходит на задний план, а на передний план выступают смысловые компоненты, определяющие психологическую и культурную функции жеста. Кроме того, с адапторами связано еще одно очень важное в культурном и коммуникативном отношении явление: появление в акте жестовой коммуникации семиотических параязыковых элементов, в частности, звуков.

В диссертации исследованы **различные типы семантических связей жестов и жестовых фразеологизмов**. В частности, показано, что семантическая связь между этими единицами может отражаться не только в наличии общих смысловых элементов в толкованиях единиц, но и в **содержании когнитивных операций**, осуществляемых над толкованием жеста, в результате которых "рождается" фразеологизм. Выявляется природа этих операций и существо семантической деривации единиц. Рассматриваются примеры различных механизмов связей между соответствующими жестовой и фразеологической единицами: наличие общих нетривиальных сем в толкованиях (непустота теоретико-множественного пересечения смыслов), вхождение текста одного толкования в состав другого (теоретико-множественное включение смыслов), существование ассоциативной или коннотативной связи и пр.

В главе 6 "**Окулесика: язык глаз в коммуникации людей**" ставится и решается ряд актуальных теоретических и практических проблем, относящихся к **окулесике как науке о языке глаз и визуальной коммуникации**. Определяются и уточняются формальное устройство и значение русских глазных кинем, исследуются роль и функции языка глаз в коммуникации людей. Охарактеризованы важные **культурные и коммуникативные функции глаз**.

Основное внимание в главе обращено на **способы языковой концептуализации функций и действий глаз**, которые обогащают наше представление о картине мира, воплощенной в русских невербальных единицах. Вводятся и уточняются и некоторые важные для окулесики теоретические понятия, например, **правило глазного поведения, модель глазного поведения, социальная, культурная и коммуникативная функции глаз и глазного поведения**. С их помощью решается задача демонстрации культурной и языковой специфичности русского языка глаз и глазного поведения, формулируются некоторые правила глазного поведения, свойственные русской невербальной культуре и коммуникативной традиции.

Без постороннего вмешательства у человека со временем меняются многие индивидуальные черты: лицо, голос, вес, рост, цвет волос, но разрез или радужная оболочка глаз остаются неизменными. **В пределах одной культуры и одного языка жестов выражения глаз тоже стабильны** – в том смысле, что имеют в них постоянное значение. Русская кинема **сощурить глаза** – это мимический жест, который описывается – с точки зрения физической реализации – как "слегка

сжимая веки, прикрыть глаза". Этот жест передает смысл 'зафиксировать свое внимание на чем-то или ком-то'; таким образом, фиксация глаз здесь отражает внимание жестикулирующего на объекте наблюдения. Кинема **подмигивать** означает нечто вроде предложения адресату участвовать сейчас вместе с жестикулирующим в некотором совместном деле, скрытом от посторонних людей, например розыгрыше некоего третьего лица, то есть, кратко, значение этого мимического жеста – сопричастность с адресатом, или 'я с тобой сейчас заодно'. Жест <широко> **раскрытые глаза** передает разные степени удивления, вплоть до изумления и потрясения, а также 'сильное желание', 'заинтересованность чем- или кем-либо'. **Удивленные, изумленные** (но не: ***потрясенные**) **глаза, делать круглые (большие, страшные, квадратные) глаза, вылупить (выкатить, вытаращить, выпучить) глаза**, когда создается ощущение, что **глаза вылезают из орбит и лезут на лоб**, – все это мимические жесты, передающие разные степени удивления, а исходно симптоматическая эмблема **делать страшные глаза** с физической реализацией такой же, как и у жеста **делать большие глаза**, может, как мы видели, переходить в разряд коммуникативных и исполняться с целью **напугать** адресата необычно большими глазами и особым неподвижным взглядом.

Основные смыслы, выражаемые глазами, – это (1) 'готовность к коммуникации', которая отличает, например, коммуникативные акты приветствия; (2) 'подавление воли или влияния другого' и 'контроль над процессом коммуникации и над поведением партнера'; (3) 'желание установление контакта'. В кооперативном диалоге участники предпочитают видеть лицо и глаза друг друга, в некооперативном – не видеть. Сквозь твердый, смелый или дерзкий взгляд проступает волевая решимость, а смысл избегания взгляда – это 'неготовность' или 'нежелание общения'. В большинстве случаев избегание взгляда сопровождается соответствующими осознанными движениями тела (человек *отворачивается, опускает голову, смотрит в сторону* и т. п.). Уклоняются люди от взгляда со стороны другого и когда тот другой задает им щекотливый, смущающий их вопрос.

Глазами можно не только передавать разнообразные смыслы, глазами смыслы можно подчеркивать, как вспышкой (у психологов даже есть такой термин *вспышка* для внезапно расширяющихся глаз или подчеркивающих что-либо зрачков). Вспышка глаз у людей нередко сопровождается очень быстрым, едва заметным подъемом вверх бровей, тем, что по-английски называется *eyebrow flash*. Это жестовое движение служит коммуникативным целям усиленного подчеркивания или быстрого указания на предмет.

Глаза представляют собой настолько важный в физиологическом, психологическом, социальном, религиозном, сексуальном и многих других отношениях орган, что каждая культура и каждый народ вырабатывают **типовые модели глазного, или визуального, поведения и стереотипные языковые способы говорить о них**. С помощью стереотипных моделей глазного поведения в коммуникативном акте передаются тысячи молчаливых сообщений (ср. сегодня уже стершуюся метафору *Его глаза говорили мне о многом*), выражаются чувства (*Ее глаза светились от радости*), осуществляются воздействия (*Глаза его остановились на моем лице и вопросительно посмотрели на меня*). Разговор одного человека с другим под действием глаз может проходить более гладко или более шероховато, а то и вообще прерывается. В целом ряде культур, особенно в тех, где

люди избегают вербальных высказываний о себе, например о том, как они себя чувствуют, глаза и их выражения относятся к важнейшим коммуникативным средствам. Таковы, в частности, азиатские культуры, в которых важную роль в общении людей играет **понимающий взгляд**. Для диалогических взаимодействий в этих культурах характерна спокойная, свободная от эмоциональных и экспрессивных элементов речь. С другой стороны, существующие в них правила коммуникативного поведения предполагают, что каждый человек в разговоре относится к своему собеседнику чрезвычайно внимательно, наблюдает за выражением его глаз и лица, следит за жестами партнера и вообще с доверием относится к разного рода невербальным сигналам. Если воспользоваться предложенным А. Вежбицкой понятием **культурного сценария** (cultural script), то типичным сценарием диалогического поведения в этих культурах, относящимся к **невербальному способу выражения эмоциональных отношений**, будет следующий: 'когда человек X чувствует что-то, нехорошо говорить, обращаясь к У, нечто вроде "Я это чувствую"; если У видит X, то У должен по поведению X-а понять, что X чувствует, и показать это взглядом или жестом'.

В разных культурах существуют достаточно сложные закономерности и правила глазного поведения людей в акте общения. В работе приводятся малоизвестные или вовсе не известные примеры подобного поведения, часть из которых зарегистрирована автором диссертации в ходе непосредственного наблюдения и при опросе информантов. Например, в русской модели глазного поведения с более длительным по сравнению с нормой визуальным контактом сопряжены два рода сигналов – **угрожающие**, или **агрессивные**, возникающие при конфронтации или схватке как выражение доминанции и стремления подавить адресата, и **соединяющие**, устанавливающие контакт и выражающие признание другого, а также уважение, симпатию или любовь к адресату жеста. Уменьшенная же по сравнению с нормой длительность контакта глаз свидетельствует о том, что человек скрывает от посторонних глаз свои чувства и реакции. Однако такое глазное поведение отражает не только чувства и отношения, например стыда или неприязни к партнеру, но также признание своего зависимого (актуального или постоянного) от партнера положения.

Одна из наиболее интересных из выявленных нами закономерностей визуального поведения, свойственная русской и некоторым другим культурам, состоит в том, что когда человек с кем-то говорит, то очень редко (исключение составляют строго определенные речевые или даже семиотические поведенческие акты) смотрит непосредственно в глаза собеседнику (хотя вполне может смотреть ему в лицо). Это, по-видимому, связано с тем, что трудно говорить, то есть передавать информацию, и "читать", то есть считывать с глаз информацию, одновременно. Напротив, слушая, принято смотреть прямо в глаза человека. Мы обычно смотрим на слушающего нас человека, когда заканчиваем фразу, а также когда по какой-то причине происходит синтаксический обрыв фразы или перебой текста. Цель подобных финальных взглядов – увидеть, установлена ли связь со слушающим, понял ли он говорящего, посмотреть, какова его реакция на сказанное.

В формулировках правил глазного поведения важную роль играют разнообразные кинетические параметры, такие, как направление взгляда, движение глаз, перемещение взгляда с одного объекта на другой, длительность визуального контакта. Едва ли не самой заметной

коммуникативной характеристикой глазного поведения является направление взгляда, см. **прямой взгляд <в глаза>**. Если движения глаз бывают *неуловимыми* или *трудно уловимыми*, если таковыми бывают и легкие изменения в размерах зрачков, если могут *остаться незамеченными* и чуть повышенная по сравнению с нормальной длительность взгляда, и перемещение взгляда (но не когда *глаза бегают!*), то **прямой взгляд** с весьма высокой степенью вероятности фиксируется на лице собеседника, причем даже на большом расстоянии между коммуникантами. Это взгляд вызывающий, гипнотический и агрессивный, и его не следует отождествлять с простым контактом глаз; именно в этом случае мы часто говорим *Он уставился* или *Она на меня уставилась*, можем раздраженно и грубо бросить: *"Чего уставился (уставилась)?"*.

С другой стороны, люди нередко пользуются данным мимическим жестом, чтобы привлечь к себе внимание человека, на которого они так смотрят, особенно в ситуациях, когда речь запрещена или невозможна. В диалогах социально не равноправных партнеров взгляд человека, имеющего более высокий статус, постоянно регистрируется собеседником, а именно, тот пытается *поймать взгляд* глазами и *прочитать по глазам* то, что ему нужно. Во взглядах в глаза и в лицо читается готовность к общению: и голова, и корпус, и глаза – всё говорит об этом. Известно, что у невротиков улучшение "реакции ориентации", как обычно называют соответствующее невербальное коммуникативное поведение психологи и психиатры, является надежным диагностическим признаком улучшения общего состояния.

Большинство закономерностей и правил глазного поведения, которые мне известны, не являются универсальными. Например, в Латинской Америке, детей специально учат **опускать глаза** в разговоре со старшим, что является общепринятым знаком уважения. Индейцев навахо учат никогда не смотреть на собеседника, а говорят они при этом, по свидетельству опрошенных нами информантов, очень тихо, так, что их еле слышно. Среди индейцев бороро и витутто в Южной Америке и говорящий и слушающий во время беседы **смотрят в сторону** на посторонние предметы, а вовсе не друг на друга. Между тем у многих народов Востока отсутствие контакта глаз во время диалога является серьезным нарушением этикетных норм.

Из **социальных функций глаз** в диссертации подробно рассматриваются функции привлечения внимания другого человека и выражения к нему симпатии (см., например, жесты **задержать взгляд на ком-то, пожирать глазами, ответный взгляд, хлопать глазами (ресницами), стрелять глазами**), а из **культурных функций** – охранная функции глаз и способность глаз нести человеку зло (ср. выражения *сглазить, злой глаз, дурной глаз* и др.).

Объектом исследования **главы 7** является **гаптика** – наука о языке касаний и тактильной коммуникации. Речь в ней идет о категориях, функциях и формах человеческих касаний. Кроме того, анализируются основные смыслы, которые могут передаваться разного рода касаниями в интерактивном общении, описываются способы их невербального кодирования в русском языке тела. Характеристика тактильных единиц дается в сопоставлении с русскими глагольными лексемами, обозначающими касание и осязание.

Проведенный анализ показывает, что сферу употребления касаний образуют чрезвычайно разные по своему характеру ситуации общения, от ритуальных и магических до повседневных. В главе вводится ряд существенных различий и противопоставлений в системе гаптики и на базе вводимых дифференциальных признаков строится типология актов касаний. Так, в §1 выделяются **культурные типы**: целительные, или терапевтические, касания, дьявольские прикосновения и рукоположение. Каждый из этих типов имеет свою область применимости, назначение и семантику.

Противопоставленные культурным **бытовые касания** рассматриваются в §2. Бытовые касания выполняют следующие **функции в акте коммуникации**: (i) выражение дружбы, участия или заботы по отношению к адресату жеста; (ii) отражение интимного отношения к адресату; (iii) установление контакта между жестикулирующим и адресатом и привлечение внимания адресата к кому- или чему-либо и (iv) выражение доминантного положения человека на некоторой социальной шкале. Если первые две функции касаний в процессе коммуникации (когда сам акт касания происходит в ходе общения равных партнеров, а во втором случае и вообще близких людей) направлены на выражение межличностных отношений, то последние две функции (когда касание выполняется не только друзьями, но и просто знакомыми или даже малознакомыми людьми) отражают установку жестикулирующего на некоторую деятельность. Целью касания здесь является привлечение внимания адресата жеста к чему-либо или желание жестикулирующего нацелить адресата на выполнение каких-то действий.

Касание, осуществляемое одним человеком по отношению к другому, – это всегда **установление с ним физического контакта**. К касаниям относятся и физиологические движения, и конвенциональные жесты, которые обладают особыми условиями применимости. В §3 "**Касание как невербальный социальный акт**" показано, что при анализе тактильной коммуникации существенными оказываются следующие факторы: кто вступает в тактильное общение и каковы межличностные отношения (свои – чужие, хорошо знакомые – плохо знакомые, знакомые – сексуальные партнеры и т. п.), где и как происходит коммуникация (в общественном месте или нет, в присутствии посторонних или вне публики), тип культурного или социального контекста ситуации (ритуальный ли это танец, церемониальный обряд, любовная ласка, лечение больного или приветствие и т. п.), возраст и пол коммуникантов, к какой культуре принадлежат люди, вступающие в тактильное взаимодействие, и некоторые другие. Здесь же вводятся важные для гаптики понятия и противопоставления – **тактильное поведение, трогающие люди и трогающие культуры, правило тактильного поведения, контактный и дистантный способы тактильного взаимодействия**; определяются основные кинетические константы и переменные невербального акта касания, раскрывается богатство и разнообразие средств, обслуживающих данную область коммуникативной деятельности человека. В частности, показано, что большие объем и площадь касаний, а также инициатива в касаниях сопряжены непосредственно с такими значениями кинетических переменных, как более высокий статус, мужской пол, белая раса, большой возраст. Кроме того, центральную роль в касаниях играют факторы межличностных и социальных отношений между партнерами по коммуникации.

Касание в русской культуре – это всегда активное вторжение в личную сферу другого человека, поэтому касания должны быть действиями осторожными и ненавязчивыми. В условиях применимости правил тактильного взаимодействия, свойственных русской невербальной культуре, входит не только информация о доступности для касаний определенных областей тела или информация о типе касания и выражаемом касанием смысле, но также сведения об актуальном психологическом состоянии и качествах адресата, о его отношении к касаниям вообще и к данному типу касаний в частности. Наряду с невербальными актами касания в главе (§4) рассматриваются лексические единицы русского языка, в семантику которых входит указание на акт касания, осуществляемый человеком. Это прежде всего глаголы и глагольные фраземы: *касаться, коснуться, трогать, тронуть, задевать, задеть, щупать, гладить, провести рукой* и др. Для многих действий, обозначенных перечисленными глаголами, касание является лишь первой, предварительной и не основной, фазой комплексного действия, а потому главной ассерцией в толковании этих глаголов является не вступление в контакт, а пропозиция, обозначающая реализацию желания агенса обнаружить некоторые свойства объекта. Эти глаголы не являются глаголами собственно касания: такие лексические единицы, как *гладить, щупать* или *тереть*, в рассматриваемых значениях отнесены в диссертации к глаголам осязания, или, иначе, **тактильным глаголам**. Для другой группы глаголов в фокусе внимания оказывается обозначение самого акта касания, причем многие из них не предполагают какого-либо дальнейшего движения вслед за касанием. Это группа получила название глаголы <собственно> касания.

Сначала рассматриваются глаголы касания – *касаться, коснуться, трогать, тронуть, задевать, задеть* (в физическом смысле) и их приставочные соответствия. Семантический центр всех этих квазисинонимов, то есть главная ассерция, являющаяся смысловым инвариантом синонимического ряда, такова: 'сделать так, чтобы часть тела жестикулирующего (в нашей терминологии – рабочий орган; обычно это рука) пришла в физический контакт (= начала иметь контакт) с частью тела адресата или с некоторым материальным объектом'. Выделены семантические признаки, по которым различаются синтетические глаголы касания, – (а) **сила контакта**; (б) **намеренность и контролируемость действия**; (в) **является ли движение, в результате которого происходит касание объекта, самостоятельным, или это движение, сопутствующее другому движению или вызванное им**; (г) **является ли контакт, возникший в результате касания, моментальным однократным состоянием или событием, длящимся в течение некоторого времени**; (д) **площадь контакта**; (е) **повлек ли контакт за собой какие-либо изменения в самом объекте**.

Далее анализируются несколько важных семантических подтипов глаголов осязания. Один из них – это глаголы, обозначающие **динамичные касания**. Особую роль в описании динамичных касаний и обозначающих их глаголов получает признак '**тип следующего за касанием движения**', который, в свою очередь, обусловлен и тесно связан с признаком '**цель касания**'.

Среди динамичных касаний и соответствующих им русских глаголов выделяются более мелкие подтипы. Описаны русские глаголы, обозначающие каждый из типов динамичных касаний,

и характерные свойства, которые выявляются посредством соответствующих движений. Первый подтип составляют **скользящие касания**, когда непосредственно вслед за прикосновением совершается поступательное движение руки вдоль поверхности объекта, ср., например, такие глаголы осязания, как *вести* или *проводить рукой* по некоторому материальному предмету. Целью скользящего касания является определение текстуры объекта, выявление наличия или отсутствия на его поверхности чужеродного нежелательного слоя, примесей и выяснение некоторых других поверхностных свойств. Второй подтип образуют **сжимающие**, или **ощупывающие, касания**, когда после касания осуществляется сжатие и перебирание пальцами объекта. Такой способ кожного восприятия в русском языке передается глаголами *щупать*, *ощупывать*, *перебирать*, *потирать (руками)* и т. п. Он обычно применяется при определении материала или свойств материала, из которого сделан объект, или консистенции. Третий подтип динамичных касаний – это **обрамляющие касания**, при которых ладонь или пальцы движутся по всему объекту, в том числе и по его внутренним областям. Этот способ восприятия представлен, например, такими выражениями, как *ощупывать со всех сторон*, *проводить рукой по всему предмету* или *по его поверхности*, *исследовать на ощупь* и даже *осматривать* (например, врачебный осмотр часто бывает в большей степени тактильным, чем зрительным). Целью подобного движения является получение информации о конфигурации, контурах, краях, границах, или плотности объекта, а также о геометрических соотношениях его частей.

В §5 рассмотрены особенности тактильного восприятия в его сопоставлении со зрительным, описываются возможные ситуации конкуренции тактильной и зрительной сенсорных модальностей и языковые ее проявления. Если зрительное восприятие, не осложненное интеллектуальной деятельностью, является целостным и быстрым, то тактильное восприятие значительно более медленное, более фрагментарное и последовательное. Обман зрения в жизни человека встречается часто и довольно легко концептуализуется в естественном языке, тогда как тактильную систему "провести" намного труднее; поэтому при доказательстве существования, реальности какого-то объекта трудно бывает положиться на одно только зрение – люди стремятся потрогать или ощупать объект. Данные тактильного опыта также сложно опровергнуть: в русском языке даже нет для этого нужных выражений.

У кожного восприятия имеется своя сфера применимости, отличная от зрительного. Если судить о наличии повышенной температуры у человека или животного можно и косвенно, например по особому поведению, то температуру предмета мы по большей части определяем через касание. Мы спрашиваем: *Это мягкая игрушка?*, просим: *Пощупай, пеленка сухая?*, высказываем свое мнение о свитере: *Какая грубая вязка!* или о клеенке: *Липкая!*, утверждаем: *Паяльник горячий*, и все эти высказывания содержат суждения о материальных объектах, вынесенные на основе нашего тактильного опыта. Точно так же обстоит дело и с человеческой кожей: потертость, потливость, ожоги, порезы, раны, нарывы, покраснения, болевые ощущения – все это разные по своему характеру изменения и реакции кожи, кодификация которых в естественном языке подтверждается особыми языковыми обозначениями.

С точки зрения русского языка касание или осязание не может быть *нормальным*, *нарушенным* или *испорченным*: так, сочетания *нормальное зрение*, *нормальный слух* вполне приемлемы, а сочетания *нормальное касание* или *испорченное осязание* плохо интерпретируемы. Говоря о дефектах, связанных с тактильным восприятием, мы обычно употребляем слово *чувствительность*: жалуемся на то, что *чувствительность нарушена*, или отмечаем *временную* или *постоянную потерю чувствительности*, но при этом мы все-таки тоже пользуемся не обычным, а "медицинским языком". Можно *проверить зрение* или *слух*, то есть определить, насколько они соответствуют норме, но нельзя **проверить осязание*. Слова *косоглазие*, *близорукость* и *дальнозоркость*, *глуховатость* и *тугоухость*, наряду с чисто профессиональными медицинскими терминами типа *миопия* или *аудиопатия*, – это всё имена, обозначающие плохую работу зрительного и слухового каналов информации, но для обозначения смысла 'плохого осязания' у нас таких узко специальных имен нет.

Помимо **динамических**, существуют и другие типы касаний – **температурные** и **жестовые касания**, которые рассматриваются в последующих параграфах главы. **Температурные касания** предполагают ограниченное, локальное, восприятие, а потому годятся только для определения тепловых свойств объекта. Относительно **жестовых касаний** в работе делаются следующие выводы: они (а) кодируются в русском языке не тактильными глаголами, а именами жестов, жестовыми глаголами или глагольными фраземами; (б) составляют предмет кинесики, а не гаптики; сфера употребления жестовых касаний, их ведущая функция и среда обитания – коммуникативная; (в) используются главным образом для привлечения внимания другого человека и установления с ним коммуникативной связи, для облегчения последующего воздействия на партнера или приведения его в нормальное психологическое состояние; (г) с помощью жестовых касаний человек выражает свои чувства и отношение к другому человеку.

На значение и интерпретацию жестовых касаний в акте коммуникации влияют следующие факторы: (1) **какая часть тела какую трогает** (например, касание губами руки очевидно имеет не ту же семантику, что касание губами губ); (2) **продолжительность жеста** (высказывания *Он задержал ее руку в своей* и *Он быстро отдернул руку* имеют, конечно, совершенно разные осмысления. Жест **продолжительный поцелуй в губы** не синонимичен жесту **быстрый поцелуй**: если первый – это, бесспорно, жест выражения любви, то второй такого смысла не имеет); (3) **имеется ли, помимо касания, давление (сжатие) части тела партнера и, если да, то насколько сильное** (так, **рукопожатие "вялой" рукой** – одна разновидность жеста, а **рукопожатие "мужской" рукой** – совсем другая); (4) **происходит ли движение после того, как произошел контакт, и если да, то какое** (после **рукопожатия** некоторые мужчины трясут сцепленными вместе руками – это, например, часто бывает при произнесении каких-то поздравительных слов; **поглаживание** – это всегда движение вдоль поверхности тела, а **шлепок** – это отрывистый, быстрый, не очень сильный, однократный удар; **похлопывание по плечу** – это обычно три-четыре удара, очень слабые по силе и наносимые по одному и тому же сегменту области плеча; важную роль в этом жесте играет адаптор-звук); (5) **присутствуют ли во время касания посторонние люди и, если да, то кто они** (например,

интимные касания не предполагают присутствия посторонних людей; **рукопожатия** совершаются как на людях, так и вне посторонних глаз, но если омонимичная рукопожатию жестовая форма обозначает 'пари', при котором сцепленные руки следует *разбить*, то присутствие, по меньшей мере, еще одного, третьего лица, "разбивающего", желательно. Им бывает обычно человек, являющийся знакомым или другом двух спорящих: в русской культуре в норме не принято просить совсем не знакомых или мало знакомых людей, чтобы они разбили руки спорящих. Такого человека специально просят: "Разбей!", и **разбить пари** – это тоже жест, однократный удар, совершаемый сверху вниз и который должен приходиться именно в то место, где сцеплены руки); (6) **тип контекста, в рамках которого происходит жестовое касание** (жест **прикосновение к руке** или **касание плеча скорбящего человека** во время похорон на кладбище или во время траурной церемонии, где слова неуместны, – это невербальное (тактильное) выражение сочувствия или утешения, знак выражения солидарности и единения с адресатом жеста в общем с ним горе. И совсем другое означает **касание рукой плеча** или **руки товарища во время, например, спортивной эстафеты** или **игры**: это сигнал того, что наступила очередь бежать или – в ситуации игры, если не бежать, то действовать как-то иначе, причем вид действия определен правилами игры – человеку, которого коснулись. Иными словами, это сигнал передачи хода партнеру по команде); (7) **характер стиля невербального поведения и взаимоотношений между партнерами** (дружеский, профессиональный, интимный и др.). Релевантность всех выявленных факторов доказывается анализом ряда русских жестов-касаний (**рукопожатий** разных видов, **сжать локоть**, **похлопать по плечу**, **разбить пари** и др.)

Среди жестовых касаний особо выделяются два типа: **жесты приветствия** и **жесты прощания**, а в каждом из них по две группы знаков: **симметричные** – знаки **солидарности** и **несимметричные** – знаки **уважения**. Во время симметричных приветствий обе стороны производят тождественные или сходные невербальные знаковые действия, а в ходе несимметричных приветствий один из участников ситуации общения выполняет действия, которые другой не выполняет. Делается вывод о том, что несимметричное приветствие в зависимости от значений кинетических признаков, таких как возраст, пол, положение тела, степень активности, тип взгляда при исполнении касания (например, взгляд в лицо или в сторону) и др., интерпретируется как последовательное или совместное исполнение знаковых действий, выражающих доминацию или подчиненное положение человека. При симметричных приветствиях использование каких-либо кинетических характеристик, определяющих доминацию или подчинение, по правилам жестового поведения не допускается.

Существующие культурные расхождения в жестах приветствия и прощания являются **различиями в семантике самих жестов**, а также **в степени значимости тактильного поведения для данной культуры**. Так, если трогать человека является культурной нормой у некоторых народов, то касание партнера в процессе коммуникации не может интерпретироваться в языке жестов этого народа как вторжение в личное пространство человека.

Материалом главы 8 "**Проксемика: коммуникативное пространство человека**" послужили **единицы и категории проксемики**, науки о коммуникативном пространстве, о том, как человек

воспринимает это пространство, как его обживает и использует, а также о том влиянии, которое это пространство оказывает на невербальное и вербальное поведение человека. Основной акцент, как и во всех предыдущих главах диссертации, делается на невербальных способах концептуализации пространства коммуникации в их соотношении с вербальными.

Конкретные задачи, которые ставятся и решаются в главе, – это уточнение существующих и введение новых понятий и категорий проксемики, типология пространственных параметров, определяющих способы ведения диалога, выявление важных особенностей и формулировка отдельных правил проксеминового поведения, свойственного русской и некоторым другим культурам. Отношение человека к коммуникативному пространству и его поведение в этом пространстве, или **"проксеминое поведение человека"**, покрывают очень широкий спектр проявлений от универсальных, обусловленных исключительно биологическими факторами, до культурно-специфичных.

Это поведение, как и жестовое, подчиняется особым правилам. К **универсальным правилам** проксеминового поведения относятся, в частности, (а) вербальное или невербальное заявление человека о претензии на свою территорию, то есть на **личное пространство**, которое он готов организовывать, обустраивать, поддерживать, охранять и защищать; (б) общие законы пространственной организации среды и правила выбора канала коммуникации (например, стремление человека – в норме – избавиться от шума и помех в коммуникативном канале, а также сознательно осуществляемый человеком в условиях свободы выбор динамичной или статичной коммуникативной среды).

Среди **культурно-специфичных правил проксеминового поведения** выделяются (а) **правила выбора места и расстояния для беседы**, например, правила, которые человек соблюдает, выбирая расстояние в зависимости от тех или иных факторов: места встречи с другим человеком, пола и возраста предполагаемого собеседника, степени знакомства с ним, жанра, темы или цели беседы, ее продолжительности и т. п. Эти правила обязательно должны предусматривать и отражать возможность сближения проксеминового поведения с жестовым. Я имею в виду, например, вот что: когда один человек в процессе коммуникации внезапно и быстро притягивает к себе другого человека, стоящего перед ним, он тем самым резко уменьшает расстояние между ними и этим движением, часто вместе с соответствующей мимикой, может выразить, например, смыслы 'мы с ним вместе (заодно)', 'я его в обиду не дам' или 'я его сейчас защищу'; (б) **правила пространственного взаимного положения тел во время общения** (см. языковые единицы *лицом, вполоборота, сидя спиной* или *рядом друг к другу, предстать перед кем-либо, на большом расстоянии от кого-либо* и многие другие обозначения положений тел участников коммуникативного акта и расстояний между телами); (в) **правила, приписывающие определенные коммуникативные веса различным пространственным параметрам**. Это правила, фиксирующие культурно-специфичные закономерности в соотношениях между полами участников ситуации общения и типом коммуникативного расстояния между ними (в диссертации подробно исследуется соотношение параметров "пол партнеров" и "физическая дистанция", проявляющееся в коммуникативном акте, характерном для европейской культуры); правила, отражающие для разных культур разное

отношение людей к присутствию третьих лиц в актуальном коммуникативном акте; правила, определяющие культурную ценность и функциональную значимость той или иной разновидности проксеимного поведения, и другие.

В каждом естественном языке существуют особые выражения, обозначающие актуальное коммуникативное пространство или расстояние между участниками коммуникации, смену коммуникативных партнеров или конкретных параметров имеющейся коммуникативной среды, ср. *Подойди сюда; Он встал рядом со мной; Сядь с ней; Отец посадил ее на колени; Не приближайся ко мне!; Уходи отсюда!; Почему ты от меня отодвигаешься?; Вы не могли бы подвинуться?; Встань передо мною!; Что вы меня окружили?; На почтительном расстоянии; Нагнись, я тебе скажу что-то на ухо; К отцу, весь издрогнув, малютка приник (В. Жуковский); Она подлетела ко мне, как легкий ветерок (В. Жуковский)*. Многие из этих языковых выражений сопровождаются строго определенными жестами и позами, при этом исполнение и восприятие жестов в той же мере, что и употребление слов, **связаны с пространством коммуникации**. В частности, разные коммуникативные жесты требуют разных **физических дистанций** между партнерами, а это предполагает в том или ином виде указание на дистанцию в лексикографическом представлении жестов.

Понятие физической дистанции, или **расстояния**, широко используется в литературе при формулировках правил проксеимного поведения. В диссертации предложено важное уточнение этого центрального понятия проксемики, а именно, описывая коммуникативный акт, следует учитывать не только физическое, как это делают многие, но также и **психологическое расстояние**. Так, **объятие** предполагает физическую дистанцию интимную, но психологическую дистанцию личную, тогда как **формальный кивок** в знак приветствия – психологическую социальную, а **показать нос** – психологическую личную дистанции. **Поцелуй** осуществляется на очень близком физическом, интимном, расстоянии партнеров, а психологически **поцелуй** может быть и интимным, и формальным (социальным) жестом. В то же время **воздушный поцелуй** исполняется на более далеком (личном) расстоянии и не является психологическим интимным жестом. Психологическое расстояние так же, как и физическое, является важной характеристикой жестов и невербального поведения в целом, причем концептуализация психологического расстояния и психологического пространства между участниками коммуникации происходит по своим законам, вообще говоря, иным, чем концептуализация физического пространства и физического расстояния.

Диалогическое взаимодействие людей является многоместной функцией от пространственного расположения коммуникантов, их взаимной ориентации, дистанции, поз и еще очень многих пространственно-кинетических переменных и констант. Многие люди *кожей чувствуют* приближение к ним сзади постороннего человека, и диалог с партнером может прерваться: положение за спиной даже самых близких людей неприятно для беседующих. Если партнер во время диалога начинает перемещаться перед нашими глазами, непрерывно двигаясь взад вперед (мы в таких случаях обычно говорим *мельтешишь*), то это тоже создает существенные неудобства для общения. Неприятны также несходство поз и ориентации во время диалога, например,

очень трудной, если вообще возможной, бывает беседа, когда один человек лежит, а другой перед ним стоит. Она случается, только если по каким-то причинам один из собеседников не может принять ту же позу, что и другой. Например, врач, подходя к больному, чтобы с ним побеседовать (но не во время обхода!), как правило, берет стул и садится рядом с кроватью больного – он не разговаривает с ним стоя. Наиболее душевный, по-человечески комфортный разговор людей в купе поезда, в одной комнате отеля, санатория или общежития происходит тогда, когда оба человека лежат на своих местах или оба сидят, то есть когда их позы **конгруэнтны**. Пространственная близость (физическое личное расстояние) и *тесное общение* (психологическое личное расстояние), например в случае, когда учитель, допуская учеников в свою личную сферу, говорит им: "А теперь садитесь-ка ко мне поближе", предполагают совместное диалогическое обсуждение каких-то интересных проблем или интересный всем ученикам, выходящий за пределы темы урока монологический рассказ учителя. В свою очередь, реализация многих смыслов в актуальном коммуникативном акте непосредственно связана с использованием тех или иных пространственных характеристик. Так, реализация смысла 'теплое отношение к другому человеку' предполагает наличие личной или интимной физической дистанции между участниками коммуникативного акта, а выражение смысла 'интимность отношений' является функцией сразу от нескольких взаимосвязанных переменных коммуникации, включая физические (тип пространства, дистанция, ориентация и пр.) и психологические (например, близость, контакт глаз, стиль речи, количество жестов ласки, улыбок и др.). Сами перечисленные переменные участвуют, впрочем, и в выражении других смыслов. Например, контакт глаз между говорящим и слушающим может указывать на то, что зрительный канал открыт для прохождения сквозь него передаваемой информации, а жесты поглаживания выражать не 'ласку', а, например, 'утешение'.

В **Заключении** подводится итог проделанной работы: формулируются результаты и выводы, полученные нами в области невербальной семиотики и русской невербальной коммуникации, отмечаются некоторые "белые пятна" и возможные пути их устранения, определяются некоторые перспективы настоящего исследования.

В диссертации решалась задача **представить и описать одну из важнейших разновидностей коммуникативного процесса, устное общение, как взаимодействие нескольких семиотических кодов, которыми люди обычно пользуются одновременно и из которых главным является естественный язык и его коммуникативное воплощение – речь, а остальные, дополнительные, коды являются невербальными**. Объектом исследования послужили жестовый и проксемикальный невербальные коды, а также паралингвистические элементы, занимающие промежуточное положение между языковым и неязыковыми средствами выражения смысла.

Главным результатом, полученным в диссертации, является **построение оснований лингвосемиотической теории в рамках науки, которую мы назвали невербальной семиотикой, а также выполненные конкретные описания многих невербальных единиц и категорий**. Акцент в работе был сделан на системном анализе многообразных соотношений невербального и

вербального поведения человека в акте общения. Для решения поставленных общей и частных задач потребовалось усовершенствовать и дополнить понятийный и терминологический аппарат невербальной семиотики, разработать метаязык описания.

Перечислю кратко основные **теоретические результаты и выводы**, полученные в диссертации:

1. Выделены центр и периферия паралингвистической системы. Уточнены и охарактеризованы основные функциональные типы паралингвистических единиц, относящихся к центру паралингвистической системы. Делается вывод о том, что периферические паралингвистические средства, к каковым относятся, в частности, адапторы – материальные объекты и некоторые семантически нагруженные звуки, возникающие от действий с ними, – играют важную роль в когнитивных и семиотических процессах, происходящих в акте коммуникации. Установлено, что два основных структурных типа адапторов, адапторы тела и адапторы-объекты, будучи отнесенными к периферическим паралингвистическим средствам относительно естественного языка, образуют центр паралингвистической системы относительно жестового кода. Описаны разновидности адапторов.

2. Охарактеризованы с разных сторон основные структурные типы знаковых кинетических единиц: жесты рук и ног, мимические жесты и выражения лица, позы и семантически нагруженные телодвижения. Вводится в научный обиход прежде никогда не подвергавшийся систематическому исследованию русский невербальный материал, рассмотрение которого, наряду с рядом других факторов, привело к формулировке некоторых новых теоретических положений, уточнению понятий и терминов, относящихся к области кинесики, а также к ревизии отдельных жестовых оппозиций и классификаций. Предложены некоторые полезные конкретизации и обобщения существующих понятий кинесики.

3. Уточнены место и роль жестов в истории культуры и общества. Установлены фундаментальные аналогии и различия между жестовыми и естественными языками. Обосновывается тезис о том, что параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов в акте коммуникации возможно в силу того, что глубинные процессы, лежащие в основании невербальной и вербальной деятельности человека, в важных отношениях сходны. Описаны основные различия между естественными и жестовыми языками.

4. Проведено важное разграничение жестов и физиологических незнаковых движений. Систематизированы, представлены в ясной форме и проиллюстрированы важнейшие оппозиции внутри жестовых языков. Рассмотрены основные семиотические классы жестов, выявлены состав и функции отдельных их представителей – эмблем, иллюстраторов и регуляторов. В каждом из выделенных классов проведено более детальное членение.

5. Построены две морфологические (по активным и пассивным органам) и одна семантическая классификации эмблематических жестов.

6. Ставится и обсуждается проблема межкультурного соответствия жестов, тесно связанная с проблемами интерпретации невербального текста одной культуры носителями другой и

переводимости. Рассматриваются случаи межкультурной синонимии и омонимии жестов, а также различного речевого сопровождения одной жестовой формы. Делается важный для теории межкультурной коммуникации и невербальной типологии вывод о существовании нескольких типов возможных отклонений от правильного понимания кинетического текста при переходе от одной культуры к другой. Каждый из выделенных типов снабжен прокомментированными примерами коммуникативных неудач при невербальном общении.

7. Разработаны основы теории жестовой лексикографии, которая опирается на сформулированные в диссертации идеи, концептуальный аппарат и утверждения невербальной семиотики и современной лингвистики. Описаны назначение, идеология, структура и содержание словарей жестов. Теоретические принципы, положенные в основание жестовой лексикографии, зарегистрированные факты употребления русских жестов и их интерпретация нашли свое отражение в построенном нами (в соавторстве) Словаре русских жестов. В диссертации суммированы, эксплицитно выписаны и прокомментированы его идеология, адресат, структура, содержание и другие отличительные особенности. Выявлены необходимые типы информации и указано возможное распределение ее по зонам как для жестовых словарей вообще, так и для нового Словаря русских жестов в частности.

8. При анализе проблемы соотношения эмоций с выражениями лица и мимическими жестами особое внимание обращено на то, как происходит языковая и жестовая концептуализации некоторых эмоциональных состояний в русском языке. Важный аспект русской вербальной и невербальной концептуализации эмоциональных состояний – их отношение к идее температуры. Выдвигается и обосновывается предположение, что многие языковые и невербальные концептуализации, оценки и метафоры становятся более понятными и получают адекватное объяснение, если выйти за пределы собственно лингвистики и обратиться к области физиологии чувств и их эмоциональных невербальных проявлений.

9. Вводится понятие "правило лицевого выражения" и демонстрируются его теоретическая уместность и практическая полезность. Правила лицевых выражений определяют, как должно меняться выражение лица в зависимости от тех или иных контекстных условий и от тех или иных значений кинетических переменных.

10. Обсуждаются в диссертации теоретические и методологические основы построения науки о языке глаз – окулесики. Выявлены основные смыслы, выражаемые глазами ('готовность к коммуникации', 'подавление воли или влияния другого' и 'контроль над процессом коммуникации и поведением партнера', 'желание установить контакт'). Определен инвентарь средств кодирования этих смыслов в русском языке тела, перечислены наиболее характерные для русского жестового языка глазные жесты, охарактеризованы важные культурные и коммуникативные функции глаз.

11. Построена функциональная внутриязыковая типология невербальных актов касания. На основе введенных теоретических понятий, таких как тактильное поведение, трогающие люди и культуры, правило тактильного поведения, контактный и дистантный способы тактильного взаимодействия, определяются основные кинетические константы и переменные акта касания,

раскрывается богатство и разнообразие средств, обслуживающих данную область коммуникативной деятельности человека. Делается вывод о том, что центральную роль в касаниях играют факторы межличностных и социальных отношений между коммуникантами.

12. Проведено теоретически важное разграничение между глаголами <собственно> касания и глаголами осязания. Отправной точкой для нас здесь послужила выявленная в работе семантическая структура соответствующих русских глаголов. Выделены и охарактеризованы важные функционально-семантические подтипы невербальных актов и глаголов осязания.

13. Изучены и описаны основные единицы и категории проксемики, а также невербальные способы концептуализации коммуникативного пространства в их соотношении с вербальными. Сформулированы некоторые правила проксемики поведения человека, использующие понятие физического расстояния. Предложено важное уточнение понятия расстояние, а именно выделены две его разновидности – физическое и психологическое расстояние. Показано, что, описывая коммуникативный акт и формулируя правила проксемики и жестового поведения, следует учитывать не только физическое, как это делали многие, но и психологическое расстояние между коммуникативными партнерами.

Практическая часть диссертации была нацелена (а) на экспериментальную проверку эффективности существующих и вводимых новых теоретических понятий и инструментария невербальной семиотики, а также на демонстрацию их практической полезности в работе с новым языковым и невербальным материалом; (б) на описание значения и правил употребления русских жестов в их соотношении с вербальными единицами; (в) на формулировку общих и частных правил невербального поведения, определяющих взаимодействие участников коммуникации и удачное протекание самой коммуникации.

К практическим выводам и результатам диссертации **можно отнести следующие:**

1. Голос и тон как лингвистические и паралингвистические концепты с полным правом относятся к группе важнейших факторов, организующих речевую коммуникацию: они во многом определяют условия и характер протекания коммуникации, успешность в достижении цели, физическое и психическое состояние участников общения и стилистику их поведения в диалоге. В диссертации проведено описание семантики и сочетаемости слов *голос* и *тон*. Толкуются в работе и некоторые фразеологические сочетания со словами *голос* и *тон*, а также ряд слов из того же семантического поля. Сопоставляя функции голоса и тона в акте коммуникации, мы приходим к выводу, что основное назначение тона – согласовывать межличностные и социальные отношения между участниками данного акта общения, а потому тон является этикетно нормативным, контролируемым и регламентированным. Голос же, благодаря, прежде всего, своим природным физиологическим свойствам, является выразителем эмоций и в диалоге говорящим часто не контролируется. В диссертации ставится и решается проблема голосового выражения эмоций.

2. Исследована атрибутивная сочетаемость слов *голос* и *тон*, что позволило выделить несколько важных в коммуникативном отношении семантических групп прилагательных, по-разному характеризующих соответствующие понятия.

3. Описаны семантические, коммуникативные и прагматические функции голоса и тона в тексте, прежде всего в неконтактных и контактных диалогах. Семантическая и коммуникативная значимость голоса наиболее велики в неконтактных диалогах; в контактных диалогах очень важную роль играют повышение и понижение голоса и тона, а также громкие и тихие голоса, которые стали объектом подробного концептуального и языкового анализа.

4. Проведено разграничение различных видов голоса: мужского и женского, взрослого и детского, индивидуального и социального, речевого и музыкального. Каждый их выделенных типов детально рассмотрен и охарактеризован. Продемонстрированы языковые способы их выражения.

5. Дается подробный анализ целого ряда конкретных русских жестов, а для некоторых жестов указываются их особенности. Приведены сравнительные семантические описания некоторых жестов и связанных с ними языковых единиц – жестовых фразеологизмов. Исследованы различные типы семантических связей жестов и фразеологизмов.

6. Практическими результатами в сфере окулесики, можно считать проведенный в работе смысловой анализ глазных кинем и их функций, а также описание закономерностей глазного поведения людей различных культур, прежде всего русской. Очерчены отдельные фрагменты типовых культурных сценариев глазного поведения людей разных национальностей и культур во внутри- и межкультурных диалогических взаимодействиях.

7. Определены дифференциальные признаки, по которым противопоставлены русские глаголы касания. Изучены способы языковой и невербальной концептуализации некоторых типов касаний. Рассмотрены особенности тактильного восприятия в его сопоставлении со зрительным. Проанализированы возможные ситуации конкуренции тактильной и зрительной сенсорных модальностей и языковые ее проявления. Делается вывод, что при установлении некоторых свойств объектов не всегда можно указать, на основании какого из рассматриваемых способов восприятия мы это делаем и какая из модальностей в данном случае является решающей. Приведены примеры таких ситуаций неопределенности.

8. Из полученных в диссертации практических результатов, относящихся к сфере проксемики, можно назвать определение значений проксемных параметров для ряда русских эмблем и описание некоторых общих закономерностей и частных правил русского проксемного поведения.

Невербальная семиотика как наука еще только рождается, и выполненная работа представляет собой лишь начальный этап на пути ее построения. "Белых пятен" в невербальной семиотике гораздо больше, чем сделанного; достаточно назвать пять разделов невербальной семиотики – аускультация, гастика, ольфакция, системология и хронемика, – которые остались за пределами настоящей работы и к разработке теории которых ученые во всем мире еще только подступают. Поэтому представляется, что глубокая разработка концептуального и терминологического аппарата, появление, развитие и распространение научных идей, а также

качество их воплощения сегодня в невербальной семиотике более актуальны и перспективны, чем следование какому-то одному теоретическому направлению, пусть даже обретшему идеологические и эстетические очертания. Мы можем заключить с абсолютной уверенностью: широкое привлечение внимания лингвистики и лингвистов самых разных традиций и школ к этой важной области знания, несомненно, приведет к интенсификации научных исследований, а применение разнообразных идей и методов лингвистического анализа способно принести новые и неожиданные результаты. В свою очередь, построение невербальной семиотики, безусловно, будет стимулировать развитие лингвистики, поскольку, как хорошо известно из истории, от научных междисциплинарных контактов всегда извлекают пользу все контактирующие между собой науки.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Г. Е. Крейдлин. **Невербальная семиотика**. М., 2000, 25 п. л., в печати.
2. Г. Е. Крейдлин. **Голос и тон в культуре и языке (глава в коллективной монографии)** // *"Язык о языке"* (под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой). М., "Языки русской культуры", 2000, 453 – 501, 3,6 п. л.
3. Г. Е. Крейдлин, С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев. **Словарь русских жестов**. М.: "Языки русской культуры", 2000, 20 п. л., в печати.
4. Г. Е. Крейдлин, М. А. Кронгауз. **Семиотика, или азбука общения. Экспериментальное учебное пособие для учащихся V – VII классов**. М.: МИРОС, 1997, 15 п. л..

Статьи

5. Г. Е. Крейдлин. **Голос, голосовые признаки и оценка речи** // *Логический анализ языка. Язык речевых действий* (под ред. Н. Д. Арутюновой). М.: "Наука", 1994, 141– 153.
6. Г. Е. Крейдлин. **Голос власти и глас народа** (статья) // *Сборник материалов международного семинара "Мова тоталитарного суспільства": лексика, синтаксис, прагматика* (под ред. Г. М. Яворской). Киев, Изд-во Інститута мовознавства ім. О. О. Потебні и Інститута української мови, 1995, 24 – 37.
7. Г. Е. Крейдлин, С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев. **О Новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз** // *Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты (лингвистика). Материалы Всероссийского конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук*, М., 1996, 184 – 195.
8. С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. **Словарная статья в новом экспериментальном словаре русских жестов, мимики и поз**. *Московский лингвистический журнал*. М., 1996, № 2, 136 –146.

9. Г. Е. Крейдлин. **Язык русских жестов и русские фразеологизмы: к проблеме сопоставления лексикографических описаний** // *Актуальные проблемы русистики. Тезисы докладов международной научной конференции*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997.
10. Г. Е. Крейдлин, И. А. Шаронов. **Интонационные пометы в словаре коммуникативов (содержание и способ представления)** // *Экспрессия в языке и речи. Сб. тезисов*. М., 1998, 43 – 46.
11. Г. Е. Крейдлин. **Семантические типы жестов** // *Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. Сб. научных работ*. М.: "Наследие". 1998, 174 – 184.
12. Г. Е. Крейдлин. **Национальное и универсальное в семантике жеста** // *Логический анализ естественного языка. Образ человека в культуре и языке (под ред. Н. Д. Арутюновой)*. М.: "Индрик", 1999, 170 – 185.
13. Г. Е. Крейдлин. **Проксемика и поведение человека в диалоге** // *Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы*. Таруса, 1999, 144 – 150.
14. G. E. Kreidlin. **The Russian Body Language and Russian Phraseology: A Comparative Cognitive and Linguistic Analysis** // *Обработка текста и когнитивные технологии (Text Processing and Cognitive Technologies). Сборник работ (под ред. В. Д. Соловьева)*. Вып. 3, Пушкино, 1999, 82 – 91.
15. Г. Е. Крейдлин. **Вербальная коммуникация в ее соотношении с невербальной** // *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. Сборник работ (под ред. Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельца)*. М.: "Языки русской культуры". 1999, 580 – 590.
16. Г. Е. Крейдлин. **Тон - понятие и слово (язык и параязык)** // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. Сборник работ (под ред. С. И. Гиндина и Н. Н. Розановой)*. М.: "Научный мир", 1999, 155 – 161.
17. G. Kreidlin. **A Comparative Study of Two Semantic Systems: Body Russian and Russian Phraseology** // *Research Support Scheme Network Chronicle*. 7, August, 1999, 36 – 37.
18. G. Kreidlin. **Voice in language and culture** // *Sign Processes in Complex Systems. The 7th Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS). Abstracts*. Dresden, 1999.
19. G. Kreidlin. **Body Language and Natural Language: The Comparative Analysis of Two Correlative Semantic Systems** // *Maschinen und Geschichte. 9. Internationaler Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Semiotik (DGS). Abstracts*. Dresden, 1999.
20. G. Kreidlin. **Russian Gestures and Russian Phraseology I (types of lexical information and the structure of lexical entries in the Dictionary of Russian gestures)** // *R. Posner (ed.) Body, Sign, Culture. Proceedings of The International Symposium on The Semantics and Pragmatics of Everyday Gestures*. Berlin. 1999, в печати.
21. А. Козеренко, Г. Крейдлин. **Русские жесты и жестовые фразеологизмы II (тело как объект природы и тело как объект культуры)** // *Фразеология в контексте культуры. Сборник работ (под ред. В. Н. Телия)*. М.: "Языки русской культуры", 1999, 269–277.

22. Г. Е. Крейдлин. **Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение наивной этики в вербальном и невербальном семиотических кодах** // *Логический анализ языка. Языки этики* (под ред. Н. Д. Арутюновой). М., 1999, в печати.
23. Г. Е. Крейдлин. **Невербальные акты и глаголы касания** // *Семантические исследования Сборник научных работ* (под ред. И. М. Богуславского, Л. Л. Иомдина и Л. П. Крысина). М., 1999, в печати.
24. Г. Е. Крейдлин. **Движения рук: касание и тактильное взаимодействие в коммуникации людей** // *Логический анализ языка. Движение в языке и культуре* (под ред. Н. Д. Арутюновой). М., 1999, в печати.
25. Г. Е. Крейдлин. **Кинесика**. // С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. *Словарь русских жестов*. М.: "Языки русской культуры", 2000, в печати.
26. G. Kreidlin. **The Favourite Russian Postures (semantics and pragmatics of nonverbal units)** // *Gestures: meaning and use*. Universidade Fernando Pessoa, Oporto, Portugal, 2000, in print.
27. G. Kreidlin. **The Semantics and Pragmatics of Russian Gestures: Acts of Touching and Russian Verbs of Touching** // *Gestures: meaning and use*. Universidade Fernando Pessoa, Oporto, Portugal, 2000, in print.